

РОМАН

ПРАВО НА ИМЯ

18+

Мария Кулагина

Право на имя

«Автор»

2026

Кулагина М.

Право на имя / М. Кулагина — «Автор», 2026

1665 год. Вест-Индия. Ричарда Кастингса уже казнили однажды. Испанцы уверены, что капитан Эспада мёртв. Но он выжил, чтобы взыскать с дон-а Диего де Белареса долг крови. Смерть успела раньше. Вместо врага со шпагой Ричард находит умирающего, который просит не пощады, а защиты для своих женщин. И просит у того, чью жизнь сам когда-то сломал. Остаётся вопрос страшнее поединка: кем быть, когда ненавидеть больше некого? Элисия де Беларес теряет дом, язык, веру и право называться своим именем. Они снова рядом, но Ричард связан клятвой, отнимающей у него последнее — право любить её открыто. Имя дают при рождении, отнимают на эшафоте, прячут, чтобы выжить. Эта книга о том, кому принадлежит имя. И о том, что милосердие бывает выше справедливости. Продолжение романа «Хозяин бури». Для тех, кто читает не только ради приключений, но и ради людей. Кто замечает паузы между словами. Кому важно не кто победил, а кем человек остался, одерживая победы.

© Кулагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Право на имя	5
Глава 1. Дорога из Миктлана	5
Глава 2. Сельва сильнее?	12
Интермедия 1. Рианнон	16
Глава 3. La verdad	18
Глава 4. Капитан Райт	24
Глава 5. Донос	29
Глава 6. Визит к губернатору	33
Глава 7. Безумный Серхио	36
Глава 8. Tempus est pulvis	40
Глава 9. Харон	44
Глава 10. Таверна «Старина Грэг»	48
Глава 11. Остров цветов	52
Глава 12. Домашнее чтение	56
Глава 13. Осада Валенсии	61
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Мария Кулагина

Право на имя

Часть 1. Право на имя

Глава 1. Дорога из Миктлана

*28 марта 1665 года,
Семпоала, разрушенный город*

— Ты говоришь по-испански?

— Да, господин.

Маленькая меднокожая девушка смотрела на майора дель Тьерро, вооруженного до зубов, уставшего и раненого. Но смотрела будто видела ребенка, наигравшегося в грязи.

— Что ты здесь делаешь?

— Тоже, что и ты, господин.

— Забавно. Ты не можешь заниматься тем же: я посеял здесь смерть. Так что тебе здесь? Отвечай! Или отдам тебя своим людям. Видишь, я приказал им уйти. Никто тебя не тронет до моего приказа.

Она выступила вперед, нисколько не проявляя страх.

— Разве ты не знаешь, что нельзя вырывать у леса сердце? Вас меньше сотни здесь. Это место не отпустит и не простит того, на ком клеймо убийцы.

— Ты еще угрожаешь? Не в твоём положении так говорить. Конечно, убийцы. Мы же солдаты.

— Твои люди, может быть... — девушка улыбнулась. В свете факелов ее зубы белели, как клыки маленького ночного зверька. — Но воины – не убийцы. Господин, верни мои вещи. И отпусти, если не хочешь, чтобы это место гневало. Ты и так здесь много сделал.

— Опять угрозы? И не боишься.

Она обнажила зубы в улыбке. И ответила тихо и ясно:

— Я все равно уйду скоро так далеко, что никому не догнать. Так чего бояться тебя? Коли ты сам себе страшен сейчас.

Хуан вскочил, даже не успев одернуть себя.

— Все. Надоело терпеть дерзости. Либо ты выполнишь, что прикажу, либо умрешь, индейская падаль!..

Собеседница стояла спокойно и ровно.

— Не тебе шипеть, господин. Ты хочешь, чтобы я собрала плод смерти, что ты оборонил? Я сделаю это. Об одном хочу предупредить: верни очи бога на место. Тогда вы все уйдете отсюда целыми.

— Ты о чем?

— Твои люди изуродовали лицо Тлалока.

— Рубины... Что в них? Какое-то колдовство?

— Верни камни на место. И не задавай вопросов. Я сделаю, как ты хочешь.

— Будь по-твоему, чертовка. Ты пойдешь в пирамиду. Верхний покой разрушен не полностью. Пол перед входом не выдерживает мужские стопы. Вес велик. Камни уходят вниз. И толку от нас, как от прошлогоднего дождя. Пойдешь, тогда, может быть, унесешь отсюда ноги.

— Кого мне там искать?

— Мужчину. Крепкого и темноволосого. Со шрамом на левой щеке. У него самое лучшее оружие из всех, кто там лежит. Если найдешь тело целым — оттащи его к выходу и помоги моим людям его забрать. Если совершь мне, клянусь, пуль на тебя всем хватит.

— Отдай мою сумку.

Майор дель Тьерро кивнул конвоиру, и тот бросил чертовке ее вещи.

— Хм... — змейкой изогнулся ее тонкий рот. — Теули убивают друг друга. Хорошо. Пусть грызутся. Если я найду останки твоего врага — ты вернешь, что забрал у бога. И можешь уходить.

— Ступай. Попробуешь сбежать — пристрелят.

Майор дошел до навеса, который соорудили для раненых солдат, опустился на один из камней и отдал себя в руки доктора. Тот молча разрезал мундир, заставляя Хуана согнуться.

Темнота ли вокруг или темнота перед глазами раненого майора оставляла ему только краешек обзора. За рваной занавесью стоял караульный с факелом; в темноте, подальше от пугающей зловонной топи, теплились костры.

Дель Тьерро видел, как через заросший лианами каменный двор спешит его денщик.

Он подхватил его подмышки, удерживая голову, и поил настоем. Но майора выворачивало от боли.

Наконец ему почудилось, что тело его уложили. И голова с неожиданной ясностью духа, будто отделенного от плоти, выбрасывала мысли:

«Вот паршивка. Укусила Линареса, пока ее вел... Угрожала мне. Хуан, ты давно здесь живешь, и надо бы привыкнуть, что рядом может оказаться такая дрянь. Камни, почившие идола... Вечно плетут что-нибудь на страх христианину. Вернуть драгоценности? Еще чего! Мои ребята не за простую благодарность месили грязь и кормили москитов. Вот и разжились немного...»

Темной змейкой рыскала между камней ищейка, посланная на поиски тела. Она взбиралась к вершине пирамиды по разрушенным ступеням.

Верхний зал не уцелел. Потолок обрушился, будто принял на себя удар чудовищной палицы. Пахло сыростью, кровью и порохом.

И было тихо.

Конвоиры не пошли за ней дальше трех верхних ступеней. Они остановились в замешательстве. Толкнули ее прикладами прямо на плиты небольшой площадки перед заваленным камнями входом.

Впереди осколком большого зуба темнели остатки алтаря.

Камни впервые за два или более веков насытились. И общая могила молчала.

Вход зиял маленьким лазом, едва ли способным впустить кого-то больше кошки.

Плиты были подвижны. Но словно не заметили ее легкую походку.

Однако не пускали ни латника, ни любого другого, кто весит больше ребенка. Оживали и начинали резко уходить вниз. Жертва оказывалась под полом без надежды выбраться.

Что скрывалось в скользких от болотного мха недрах, было открыто лишь для нашедших смерть.

Но ищейка знала, как пройти.

«Я Иолотли, кровь того, кто просил времени у солнца. Я следую за поступью его. И не собоюсь». — маленькие пальцы вооружились ножом и выискали в каменном мешке прорехи.

Она отодвинула несколько камней. И проползла внутрь.

Несколько раз моргнула в темноте, не зажигая огня. Где-то впереди под светом звезд и месяца подмигнула дыра в стене.

Иолотли проползла вперед по следам гари и разрушений, стараясь не пораниться о каменную крошку. Внутри стояла тишина и тяжелый запах скотобойни.

Она ползла, а пространство вокруг расширилось. Камни будто бы обступали часть покоев свободнее.

В углу у светлого проема Иолотли услышала хрип и движение.

Чья-то рука в последнем усилии взвела курок. Но раздался лязг, что-то тяжелое ударилось об пол.

Иолотли замерла и задержала дыхание. И сидела, не шевелясь, пока не услышала жалобный стон.

Она подползла на четвереньках к тому, что еще было человеком, нашла его лицо и прощлась руками по белеющей ткани рубашки до груди.

Он исходил кровью. Но нашел положение, где потеря была медленнее. Полусидел, запрокинув голову на камень. Рану он обложил тряпьем, какое нашел.

В двух шагах лежала темная фляга. И он смотрел на нее неотрывно. Иолотли решила смочить ему губы.

«Кажется, о нем говорил тот надменный сеньор. Еще жив. Боги прокляли его, не послав смерть... Пей, даже если нельзя уже ничего сделать.»

Он сделал глоток и прикусил губу, отталкивая флягу.

Иолотли радостно всплеснула руками и стала заботиться о перевязке.

Про конвой словно забыла. Но испанцы напомнили о себе, окликая ее. Раненый прекратил стонать, уставился в сторону входа и растянул губы в оскале.

Лицо его заострилось. И он был страшен. Если бы он смог выйти, оторопевшие солдаты скатились бы по ступеням, ломая хребет.

«Это он. Тот, что сидел с Хорошим Человеком на почетном месте. Это ему он готовил отвары. Враги подождут. Перевязать. А там – посмотрим.»

— Теперь пей... понемногу, — она снова поила его, но уже из легкой тыквенной фляги, принесенной с собой. — Будет легче. Молчи... Я вижу еще мертвеца.

Он разжал губы и пил, на этот раз жадно, закрыв глаза.

Вот он оторвался от настоя. И разомкнул губы.

— Хочешь их надуть? Валяй... В углу мой камзол... я не добрался.

У Иолотли по плечам и спине прокатился вал ледяных мурашек от его голоса. Но это был разумный ответ живого, а не умирающего.

— Молчи... Только молчи...

Ричард выплывал из темноты и ям в сознании, чтобы видеть перед собой темноту.

Рядом билось здоровое сердце, боль ненадолго стала терпимой. На груди, плече и боку было натяжение свежей повязки. Его руки ослабли, ноги он едва чувствовал, но кровь пропитывала повязку медленнее, чем он ожидал.

Иолотли возилась с чем-то в углу, затем, тяжело дыша, потянула к выходу тело.

Кто это был, важным стало лишь для его будущих мытарей.

В уши раненому бил грохот стрельбы. Сверху осыпалась пыль, а вокруг гулко стонали камни. Но завал не сдвинулся. Только где-то в проходе между камнями мелькнула белая, как снег, шевелюра, холод ударил в ноги, но сознание не ушло.

«...Не выбраться. Бесполезно...»

Иолотли вернулась и задвинула камень у входа.

— Я здесь. Они ушли. Им сюда не пройти. Потому что лень тратить силы на мертвых. Усталость и сырость добьет их. Молчи, теуль.

Он кивал, когда она промакивала его лоб. Ежилась от холода — в шаге от маленькой брюхи остановилась неизбежность.

Она тоже кивала раненому и ждала, что тот станет делать. Ведь руки его были еще теплыми.

Иолотли повернулась спиной к невидимой гостье и стала греть раненого. Он склонил голову на ее плечо и стал дышать ровнее.

А Иолотли приговаривала:

— Луна уходит. И боль уйдет. Гони прочь эту женщину в белой накидке, что испачкала в твоей крови свои руки. Не торопись искать провожатого через мрачную реку. Не спи, спать нельзя. Она сильнее, когда ты спишь...

— Не сплю... Холодно. Дай мне рому. Где-то была фляга... там еще осталось.

— Нельзя ром. И пить больше нельзя. Ты выпил настой, который не даст тебе уйти.

— Слишком много «нельзя»...

— А Буэно Омбре сказал, ты сговорчивей. Он тоже уходит. И я пойду с ним. Но сначала он велел мне найти тебя. Он помнит. И говорит, что тебе еще долго идти. Миктлан для тебя далеко.

На границе жизни и смерти, в зале Пляшущих Палиц, он прочел в глазах маленькой брюхи, неизвестно, как оказавшейся здесь, последнее напутствие Буэно Омбре.

— Хороший Человек, как ты его назвал, велел, чтобы я, Иолотли, была тебе еще одним сердцем, пока твое бьется устало и тяжело. Лежать нельзя, ты знаешь, коли пробита грудь. Ты не сможешь дышать. Сплевывай кровь. Не шевелись пока. Нужно отдохнуть, чтобы идти. Я сейчас приду. Надо тебя согреть.

Боль притупилась. Ричард боролся со сном. Он откинул голову на каменную подставку и не двигался, пока не ощутил, как затылок онемел и заныл, не давая спать.

Глаза привыкли к темноте. Возле ног лежал упавший пистолет, который был цел.

«Лучше прекратить эту комедию и застрелиться к чертовой матери... Девчонка измучится со мной. Продрогнет и вымокнет на болоте... Убьют, если высунется... Дель Тьерро не уйдет так скоро».

Но дотянуться до пистолета уже не было сил. Он смотрел на него пристально и зло, как на предателя, будто надеялся, что оружие устыдится, сдвинется с места и само ляжет в руку.

Тело не слушалось — объявило бунт. И никак не желало умирать. Его терзала лихорадка, кидая в жар и в холод.

Но смерть медлила... Она присела на край обгоревшей кладки, безглаголиво оправив плащ, копируя настроение придворного на темной улочке, который боится испачкаться.

— Ты уже получил свой жребий. Скажи мне, разве есть смысл сидеть, уставившись в угол, и мучиться от попыток прийти к ясности сознания? Ты сам понимаешь, что все «за» и «против» уже взвешены.

— Ты ошиблась...

Он боролся с ознобом, отвергая прохладные объятия Муэрте.

Каменный музыкант продолжал играть. Лунный свет медленно выхватывал из темноты его тонкие руки и флейту. Разбитые стебли тростника извивались у его ног в немой агонии, а вокруг раздавался тихий топот каменных ступней. Все, что осталось от исполинов с их устрашающими палицами.

Иолотли укутала раненого в найденный плащ и обняла, чтобы согреть. Эта ночь была жаркой, как и все прежние до прихода дождей. Но Ричард ощущал лишь холод обступивших его камней и сырость болотного тумана.

Он повернул голову в сторону провала в стене. Часть крыши тоже разрушилась. Сквозь нее еще смотрел молодой месяц. Но этот улыбочивый полководец стоял низко к горизонту, словно прощаясь.

— Ночь на исходе... Утром они двинутся на юг, к побережью.

— А мы следом, Рикардо. Ты сказал, тебе надо в Веракрус. Тебя там ждет женщина.

— Я это все вслух сказал?

— Да, Ри-кар-до... Ри... кар... до... — нараспев произнесла она. Будто ей нравилось звучание этого слова. Девушка повторяла на разные лады его имя, словно прогоняла его душу из темноты, в которую он проваливался. — Если ты так говоришь, значит дойдешь. Она ждет.

Вблизи развалин бродил какой-то зверь: хищник ли, почуявший кровь, или просто лесной бродяга? Воздух сотрясал надсадный вой, похожий на рыдания.

Иолотли собрала остатки разбитого скарба, отыскав чьи-то башмаки и еще одну флягу, по счастью, не пробитую. Тонкая, как тростник, и ловкая, она без боязни обследовала руины, забравшись даже на крышу.

— Они сняли лагерь. И хотят идти, — выдохнула Иолотли, торопливо спускаясь.

— Я сплела веревку из лиан. Мы спустим тебя, как в колыбели, когда рассветет.

К утру боль заметно стихла. И Ричарду позволено было задремать.

Рассвет лениво раздвинул полог зеленой мглы, окутавшей топь. Ночные тени сползли в углы, открыв на обозрение лику дня всю картину разрушений.

Разметанный щебень, клочья изодранной ткани и багровые следы крови среди обуглившихся стен.

На поверхности сваленных плит не было ничьих останков. Каменный склеп надежно прикрыл их от охотников за падалью.

Далеким эхом среди лесного шума прозвучал горн. Поредевший испанский отряд стремился назад, увозя с собой мрачные трофеи. Словно конвоиры, понукающие заключенных на долгом перегоне, кружили над войском прожорливые грифы.

Иолотли удалось найти пару целых досок. Из них общими усилиями сделали люльку, в которой раненый покинул свою тюрьму. Внизу воздух был наполнен прелой влагой. К вечеру болото обрушит на беглецов москитные полки.

— Я натру тебя маслом. Оно жжет кожу, но кровопийцы не будут тебя донимать.

Ричард не отвечал. После путешествия с вершины пирамиды он едва переводил дух. Голова кружилась, а внутри снова полыхала боль. Рана не кровоточила. Но Ричард и его спасительница понимали, что им не одолеть даже границ разрушенного города. Вязкая почва и зыбкая тропинка, которую вытоптали накануне солдаты, не пустят дальше ближайших зарослей.

— Ты не можешь идти. Но здесь мы не найдем хорошей воды... — подытожила Иолотли.

— Баста. Засиделся. Пора и честь знать, — он произнес все на одном дыхании, отчетливо и бодро, будто на марше.

Девушка была удивлена, но ничего не сказала в ответ. Лишь кивнула и стала помогать Ричарду подниматься.

Он выпрямился. С трудом, припадая к маленькой брухе, сделал шаг.

И шел какое-то время, пытаясь не потерять из виду границу тропы. Земля уходила из-под ног, словно старалась надежнее погрузить их ступни в ил.

Его дыхание снова превратилось в хрип.

— Ты не дойдешь так. Остановись. Нужен отдых.

— Идем... я буду подышать где угодно, но только не на болоте...

К полудню они почти выбрались на сухую землю. Удалось достать воду. Но зной лишь распалял жажду. Предстояло решить, как двигаться дальше. Испанцы прорубили в лесу довольно свободный тракт. Следы орудий, которые воинственные фанатики затащили в такую глушь, были прекрасным ориентиром. Скрывшись от солнца под густыми кронами, раненый приободрился.

— Все думаю, почему твой бог пощадил тебя, отняв легкую смерть? За твою жизнь просила она? Принесла жертву, и ты не погиб.

Раненый попытался улыбнуться. Но это подобие улыбки больше походило на оскал.

— Кто знает? Зато теперь со мной нянчишься ты.

Одолеть еще один переход было труднее. Воздух в зарослях был жарок и тягуч — не под силу несчастным легким.

— Останемся здесь. Я найду кров и еду. Но вперед ты не пойдешь, — приказала бруха. — Я не могу вызвать тебе дождь или ветер, не могу заставить тебя лечь. Но тебе нельзя идти. Еще шагов десять, и мне не удержать тебя: ты будешь ходить уже не по земле.

— Как скажешь. Но с дороги нужно уйти.

Снова то же, привычное для затекшей спины положение. Хвала большим деревьям, возле которых не строят свои города муравьи.

Иолотли, впрочем, ненадолго растворилась в зарослях. Быстро и умело она сделала над его головой навес из пальмовых листьев. Раненый вновь боролся с лихорадкой. Но такой гость, как озноб, даже порадовал его.

Девушка ушла искать еду. Оставила ему флягу с настоем, наказав пить часто и понемногу.

Ричард остался бодрствовать в обществе фляги и пистолета. Он остерегался засыпать без своей провожатой.

Потому что начинал отчетливее слышать знакомый шепот Той, чей дар убеждения делал честь любому дипломату. Она говорила с ним в той же непринужденной манере товарища по несчастью:

— Зачем бесполезно тратить остатки воли на долгую борьбу? Не лучше ли использовать их на один поступок?

Он шипел и огрызался, как мальчишка, совершенно презрев манеры. Сон же склонял его чаяния к ногам собеседницы.

Птичья толкотня и пряный настой усыпили раненого. Почти звериная настороженность не давала уснуть совсем, приходилось лишь дремать.

Внезапно до его слуха донесся резкий крик и знакомый треск ружейного выстрела.

Ричард хотел вскочить. Но не мог даже подняться. Где-то среди сырых ветвей замаячили фигуры кирасиров.

Рука послушно легла на пистолет. Но солдат привлекала другая цель.

— Уходи, теу-у-уль! — из влажной чащи летело пронзительное эхо. Приносятся еще слова, которых уже не разобрать.

Снова крики и брань.

Сила гаснущего сознания подхватила раненого с места, швырнула в сторону и облепила листьями. А через мгновение земля разинула пасть зловонного колодца, и сознание рухнуло, унося разбитое тело в черную яму.

Пояснения:

Бру́ха (исп. bruja) — колдунья, знахарка; женщина, обладающая особыми знаниями о травах и мистике. В тексте — уважительное обозначение Иолотли.

Буэно Омбре (исп. Bueno Nombre — «Хороший Человек») — прозвище или имя старого знахаря-провидца, который дал Иолотли наставление найти Ричарда.

Зáл Пляшущих Палиц — поэтическое название, данное Иолотли верхнему залу пирамиды. Отсылает к древним представлениям о войне и жертвоприношениях как о «пляске смерти».

Кирасиры — солдаты в тяжёлых металлических доспехах (кирасах). В тексте — часть испанского конвоя.

Миктлáн — в мифологии ацтеков подземный мир, царство мёртвых. Место вечного покоя, куда уходят все души.

Муэ́рте (исп. muerte — «смерть») — в тексте: женщина в белой накидке, олицетворяющая смерть. Она появляется в видениях Ричарда как сила, которая ждёт, но пока не забирает его.

Тéули (исп. teules, искаж. от ацтекского teotl — «бог») — уничижительное обозначение испанцев-завоевателей (конкистадоров), принятое в речи местных индейцев. В тексте — с оттенком иронии и пренебрежения со стороны Иолотли.

Глава 2. Сельва сильнее?

Время текло над ним мутной рекой. Часы или недели прошли – уставшему разуму было все равно.

Сорвавшись с какого-то большого листа, непослушные капли воды падали на нос. Пришлось открыть глаза и понять, что снова стал пленником. Погремев костями перед воротами Преисподней, не мудрено поверить в то, что Господь проверяет твоё тело на прочность.

Яма была неглубока и наполнена палой листвой. Это смягчило падение. Но не участь.

Рыхлые стены и прелая жижа на дне добавляли пикантности отбивной из человеческого мяса. Дневной свет уже начал редеть. Охотники скоро должны пожаловать к ужину.

«Неужели конец? Неужели вот так просто и постыдно сдамся, и мои кости сгниют здесь?»

Болезненно потянувшись, Ричард стал рассматривать свою ловушку. Бурая глина, смешанная с плотными узлами корней, давала шанс на удачную попытку выбраться.

Он, приказав себе двигаться, с трудом боролся со слабостью, которая неподъемным грузом прижимала к земле. Здоровой рукой и обеими ногами подбирался к корням, цепляясь за них. Но, несмотря на боль и бессилие, Ричарду удавалось сохранять зыбкое равновесие и не сползать на дно.

Он видел себя муравьем, что пытается забраться на гору.

Но силы уходили быстрее, чем приближался край ямы. Лечь и отдышаться он не мог – сия вольность была равносильна смерти. День стремительно таял...

Едва показался край «Адских Врат», как в двух шагах блеснула рукоять его пистолета. Зрелище было настолько отрадное, что Ричард немного забыл о боли.

Добраться до оружия стоило труда еще на добрую четверть часа. Но усилия были вознаграждены. Порох, верно, промок, но не просыпался, и кремль был на месте.

Ричард, отдышавшись, встал. Земля ходила ходуном... Несмотря на дрожь в ногах и тяжелую слабость, он дошел до недавнего «лагеря».

Сумерки обрушились с потемневших ветвей и заполнили все вокруг сутолокой голосов, скрежета и криков. Обезьяны надрывались сильнее — их будоражил кто-то из крупных лесных пройдох. Днем слух раненого был притуплен настоем, и он не обращал внимания на звериную суету.

Иолотли не вернулась, но следы ее заботливого присутствия ободряли и давали надежду. Под навесом был сложен хворост, а фляга не растеряла воду. Никаких признаков недавней опасности. Кроме пары сотен глаз, смотрящих из темноты. И гортанных криков с верхних ветвей.

Среди тяжелых сплетений лиан бодро сновали бродячие огни светлячков. Охотник ходил где-то рядом: его гибкий силуэт мелькал меж стволов.

«Подавишься». — оскалился на непрошеного гостя Эспада.

Он был почти мертв, а потому – безумно храбр. Ричард высек кремнем спасительную искру. Затешил остатки фитиля и разжег небольшой костер.

Противник не решился двинуться дальше. Но его алчное присутствие долго еще беспокоило слух.

Ричард сделал пару глотков снадобья, чтобы притупить голод. Клоныло в сон. Но слишком велик был шанс не увидеть утро. Он с готовностью отчаяния цеплялся за любую мысль, которая приходила на ум.

«Иолотли, девочка, где же ты? Неужели эти выродки добрались до тебя? Не стоит надеяться... Никто еще не обгонял пулю... Так пусть хотя бы твои боги не забудут тебя, и ты не попадешь в Миктлан».

В мутной череде разрозненных обрывков он, словно заблудившийся скиталец, искал любимое лицо.

«Она ждала. Конечно, ждала. Но ожидание уже оборвали. Побряцали оружием, похватились храброй выходкой... Я опоздал. Тогда, на кой черт еще иду туда?»

— Ты явишься поздно. Возможно, не останется даже объедков свадебного пира.

Ты горазд рассуждать, так подумай, стоит ли платить цену боли? — снова вкрадчивый голос ночной гостьи.

Неравный спор. Который закончился тяжелым сном. Без сил и надежд.

Он проснулся за полдень. Голод дал знать о себе резами в желудке.

«Еще жив». — мелькнула одинокая мысль. А рука уже нашла лежащую рядом шпагу.

Солнце било в глаза, ослепляя короткими выпадами, и вновь пряталось за щитами листьев. Но на поляне, где лежал раненый, царил влажный полумрак. Лес был немолчен: вопил, трещал и гудел. Тысячеглавый многорукий исполин.

Ричард попробовал шевельнуться. Боль остро кольнула и ушла в подреберье. Он приподнялся на локте и дотянулся до фляги. После нескольких глотков в голове прояснилось. Однако боль неизменно грызла внутренности.

«Если буду лежать — останусь здесь умирать. И так почти проиграл».

Он, поборов дурноту, сел, опираясь спиной на ствол дерева. И стал напряженно оглядываться, пытаясь высмотреть на земле какие-нибудь плоды.

«Люди дель Тьерро шли почти той же дорогой, что и мы в Веракрус. В карманах убитых мои ребята нашли дикие груши. Они должны расти здесь... Поднимайся, Кастингс. Ищи, иначе содохнешь».

Ричард нашел желаемое через час, медленно обойдя поляну. Путь к спасению указали вездесущие обезьяны.

Стараясь не дать себе воли наестся до отвала, он осторожно жевал темную мякоть сапоте.

После еды раненого одолела дрема. Боль стала уже чем-то вроде недоброго попутчика, который, будь его воля, подкараулил бы незадачливого спутника и сбросил в придорожную канаву.

Но она занимала Ричарда гораздо меньше, чем дорога на юг.

Он знал, что, идя по тропе, прорубленной испанцами, можно даже пересечь Актопан.

Темная вода этой реки, может, и не вкусна, но она определенно лучше мутных скопищ в зарослях. Затянув в кушак несколько плодов, он решил идти, пока тело еще не отказало ему в движении. Жить без перевязки еще один день было настоящим подарком.

Ричард за несколько переходов едва ли одолел милю, блуждая от ствола к стволу. Но вслед за приступом кашля, пришло некоторое облегчение. Сырое царство лиан и змей ненадолго осталось позади, воздух стал приятнее, а земля под ногами — суше. Показался каменистый берег Актопана. Почти скатившись со склона к прибрежным камням, он устроил привал. Без опаски быть застигнутым кем-нибудь.

Выйдя к быстрине, он увидел остатки настила, который три дня назад использовали для переправы орудий. Заходить в воду без опоры он не рискнул, а предпринял попытку добраться до этого «чудо-моста» по берегу.

После переправы Ричард шел вслед за своими убийцами еще несколько часов, останавливаясь на краткие передышки. Он словно выплел, почти превратившись в тень. Взор его притупился, утомившись рыскать в зеленом мареве.

Над ним расстилось небо цвета синего кобальта... Оно горело и обжигало синевой, и на все голоса говорило о жизни. Но у раненого не хватало сил даже поднять голову. В сознании смешался запах крови, гнилой влаги и палой листвы. Как согбенный паломник, он смиренно брел уже наугад, понимая, что мог сбиться. Все порывы выбраться съезжились и померкли.

Сельва сильнее. Этот зеленый гигант никогда не проигрывал. Сколько таких несчастных осталось в плену мокрых стволов, облепленных мхом и лианами?

Что было «до» – ушло. Никаких «потом» или «после».

Ему казалось, что он не помнит событий предыдущих дней. Не помнит потерь и лишений, лавиной сошедших на него. Не помнит, куда идет, и не знает себя от жары и жара, который вбивает в мозг раскаленные стержни.

Муэрте следовала за ним по пятам, кутаясь в плащ из сырого тумана и комариного морока. Она говорила, вторя плачущим голосам птиц. Мягко, но настойчиво.

Ричард и сам все понимал. Стоит ему остановиться в своем желании добраться до стен города, Она уведет его в другую сторону. Он не будет возражать и бороться. Он будет смеяться навзрыд, потому что доселе не сознавал, что избавление может быть таким легким. Трусость. За которую он не сможет простить себя в Чистилище.

Ричард пытался думать о том, что дойдет. До Веракруса. До дороги на Сан-Пауло. До границ болота. Преодолеет ближайший овраг. Ему казалось, он идет так долго, что давно должен был перевалить за темнеющий горизонт.

С заходом солнца дышать стало легче. Но в сумерках помимо блуждающих зеленоватых огоньков леса, раненый различил другие огни: они не передвигались, а приветливо светили сквозь саван тумана.

«Старый Порт. Или индейцы». — заключил он.

Ричард решил потратить остаток сил на то, чтобы подобраться ближе. В этом был особый резон: выходить из джунглей ближе к селению – меньший риск угодить кому-нибудь в пасть.

Двинувшись дальше, он уловил запах реки. Пологий сырой спуск к воде... и ноги угодили в вязкий ил прибрежных зарослей...

Городок был виден теперь довольно отчетливо. Ричард возблагодарил Бога. Отступив назад, прочь от топкого места, он распрощался с остатками настоя, который снова заглушил боль. Осталось изыскать возможность переправы.

Он помнил, что при повороте на Королевскую Дорогу, которая пролегала через этот городок, был наведен мост. Но не стоило обольщаться. Благородные идальго, устроившие накануне в лесу мясорубку, наверняка оставили здесь кого-нибудь из тяжелораненых. Им нужно поспеть в Веракрус как можно быстрее. Иначе их жалкий трофей лишь осквернит воздух, а не будет свидетельством доблести.

Загадка разрешилась сама собой. То ли Господь проявил милость, то ли везение еще не совсем изменило Ричарду, но ему подвернулась одна из рыбацких лодок, принайтовленная у дощатого пирса.

Он отчалил, мысленно призывая Харона.

Другой берег был ниже и суше. Деревья не сходились друг к другу сырým частоколом. Забравшись подальше от воды, раненый лег...

Ночь тянулась медленно, ступая, как темная богиня, в ореоле аромата орхидей и теплых запахов близкого жилья. В окружении верных чудовищ. Темнота жадно взидала на разбитое тело.

Ричарда охватило теплое оцепенение. Боль присмирела и ворочалась неторопливо, как засыпающее дитя. Он не зажигал огня. И даже не стремился двигаться.

Падальщики не заставят себя долго ждать. Явятся и сядут поодаль, содрогаясь от неровного дыхания умирающего. Скоро они осмелеют.

Он же будет смотреть, какой из этих голодных ликів смерть явит для него. Для борьбы мало сил. Оружие лежит рядом в ожидании приказа к атаке. Но вес его нынче подобен колоколу собора Веракруса.

Однако время проходило в слепом бдении, а трусливые убийцы не пытались подобраться ближе. У смерти, видно, были дела важнее уставшего путника.

Утро не принесло облегчения. Лишь озноб. Ричард вяло сжевал остатки плодов. Дурнота не уходила. Но он все равно силился подняться.

Призвав все свое терпение, он встал. Колени дрожали, от бесчисленных запахов цветов, что пестрели вокруг, сильно мутило.

Ноги послушались приказа. Раненый продолжил путь. Лес кое-где расступался, позволяя видеть багряный шлейф рассвета. Туманная мгла услужливо стелилась под ноги. Но она была пленницей реки и вскоре отпустила путника.

К полудню лес отступил, и перед раненым открылась перспектива городских стен. Легкие на время забыли, как дышать, встретившись с воздухом побережья.

Западные ворота манили открытыми створами. Дорога, пыльной лентой уходившая в сторону Сан-Пауло, была безлюдна.

В полумиле виднелся невысокий холм с часовней Святого Луки. Ричард двинулся к единственному источнику тени. Выйдя из-под защиты древесных крон, он попал под яростное солнце.

И не одолел последнего рубежа. Мысли о счастливом окончании похода разлетелись прахом. Он надеялся дойти. Но теперь, видя издали конец пути, окончательно сдался слабости. Сознание покинуло его на пороге часовни.

— Святой Лука, какой пройдоха! Опять покойников мне под ноги кидает. Что ж вы все тут умирать повадились? Постой-постой. Да ты жив...

Пояснения:

Сапóте (исп. zapote) — тропический плод с тёмной мякотью, похожий на яблоко или грушу. Также называется «дикой грушей»; растёт в лесах Новой Испании.

Королёвская Дорóга (Camino Real) — главный торговый путь, соединяющий Веракрус с Мехико; в XVII веке — важнейшая артерия испанских колоний.

Стáрый Порт — городок Ла-Антигуа, бывший главным портом Новой Испании до основания Веракруса.

Актóпан — река на пути из Семпоалы в Веракрус; в тексте — естественная преграда между джунглями и побережьем.

Харóн — в греческой мифологии перевозчик душ мёртвых через реку Стикс. Ричард упоминает его иронически, когда садится в лодку.

Святой Лука́ — христианский святой, считающийся покровителем врачей и художников. Часовня в его честь становится местом, где раненый находит последний приют.

Интермедия 1. Рианнон

«Госпожа, – сказал он, – поведай мне о своем деле». – «Мое главное дело, – ответила она, – было отыскать тебя». – «Так и для меня, – сказал Пуйл, – твое появление стало главным. Скажи же мне, кто ты?» – «Я скажу тебе, господин, – ответила она. – Я Рианнон, дочь Хэфайдда Старого, и меня хотели выдать замуж против моей воли. Но я не хотела этого потому, что люблю одного тебя, и не покину тебя, если ты только не прикажешь. Вот я пришла и жду твоего ответа». – «Клянусь Богом, вот мой ответ, – сказал Пуйл, – если бы я мог выбирать из всех знатных дам и дев мира, я выбрал бы только тебя». – «Тогда, – сказала она, – если такова твоя воля, женись на мне, пока я не стала женой другого». – «Я женюсь на тебе как можно скорее, – сказал Пуйл, – как только ты пожелаешь». – «Я приглашаю тебя через год и день во дворец моего отца. Я подготовлю празднество к твоему прибытию». – «Хорошо, – сказал он. – Я буду там и женюсь на тебе». – «Господин, – сказала она, – будь здоров и помни свое обещание. Сейчас же я должна удалиться».

Мабиногион.

— Милая, зачем так быстро? Холодно. Провалишься. Подожди! Посто-о-ой! – крик замирает, и эхо летит по полю скорым гонцом вместе с белой поземкой.

По краю наста, почти не задевая ледяную коросту, идет она. В сером плаще с песцовой опушкой. Может, чей-то подарок?

Идет, не оборачиваясь, будто не слышит, как всего-то в тридцати шагах зовут ее.

Бедный Пуйл, коня бы тебе!

Но ни конному, ни пешему ее не догнать: слишком тонкое покрывало у сна...

И бежишь, бежишь за своей Рианнон, срывая морозом дыхание.

Неожиданно она останавливается и нежно смотрит майским небом. Так близко. Шагах в пяти.

— Посмотри, сколько его! Снег, как ты говорил, – она наклоняется и берет в пригоршню белый, хрустящий сахар. Дует на руки, посылая навстречу искрящуюся взвесь...

И нет ничего. Ни ее, ни снега.

Сон таял, принимал очертания полога от москитов, глаза видели свечу, которая почти растаяла. И снова наступала темнота.

Душно... душно... Стекают на подушки прохладные капли, скользят вдоль шеи вниз, щекочут спину. Не поднять век. Да, и зачем? Среди ватной тишины слышится отдаленное: «Тук-тук... тук-тук... тук-тук».

Где-то внизу, очевидно, в комнате хозяйки, суетливая возня. Среди ночи опять привели какого-нибудь гуляку с распоротой рукой.

Однако никто не голосит, не стонет, не причитает.

Только отчего-то сильнее отбивает ритм беспокойное сердце.

Жжет грудь... будто солью посыпана.

Пояснения:

Интермедия — короткая вставная сцена или отрывок, который не связан напрямую с основным действием, но раскрывает внутреннее состояние героя, его сны или воспоминания.

Мабиногион — сборник древних валлийских (кельтских) сказаний, один из важнейших памятников кельтской мифологии. Эпиграф взят из сказания о Пуйле и Рианнон.

Рианнон — в кельтской мифологии богиня-королева, связанная с лошадьми, плодородием и переходом между мирами.

Пуйл — герой валлийского эпоса, король Диведа, который получает от Рианнон обещание встречи через год и день.

Глава 3. La verdad

Донья Эсперанса третьего дня нашла себе работу. Стоило уйти за город, многие собранные травы и даже смолу копала пришлось пустить в дело.

К часовне Святого Луки вело несколько троп. Одни для честных христиан, другие — по камням мимо русла пересыхающего ручья.

Кусты чапарро росли на самом солнцепеке. Там, за часовней, где вниз уходил сухой каменный склон. Тень туда почти не доходило.

Растение словно выбирало когда-то самое знойное место, чтобы никто не добрался до его ветвей без нужды. Не то куст, не то дерево. Все утыканное шипами. Серое, узловатое и приземистое. Эдакое воплощение упрямства, терзавшее корнями трещины в камнях.

Эсперанса всегда обламывала ветви у самого основания и старалась не сорвать больше, чем нужно. А корни никогда не трогала.

Куст привычно укусил за палец. Будто шипами взимал плату за принесенный урон.

Эсперанса вздохнула, убрала добычу в холщовый мешочек и хотела вскинуть его на плечо.

Она уже начала спуск к ручью, который вился узкой лентой среди камней. Со стороны часовни донесся не то стон, не то дальний окрик — звук, какой не издают ни птицы, ни ветер.

Эсперанса замерла, вслушиваясь, и мешочек с горькой корой качнулся у неё на плече, будто тоже насторожился. Она поднялась к ступеням. В обрывках темного плаща лежал человек, тяжело привалившийся к основанию лестницы.

Раненый был послушен. Ни стонов, ни жалоб, ни возражений.

Руки его в мгновения, когда он мог ими командовать под действием настоев, помогали и благодарили. Он пальцами касался тыльной стороны ладони доктора и долго смотрел. А грудь вздымалась тяжело и часто. Но Эсперанса не видела привычного страха задохнуться.

Этот, говорящий во сне на трех языках, не боялся уйти. Он боялся не встать.

Единственная свеча на столе окружала бледное лицо, обнажив все следы мук. Эсперанса приподняла раненого и вновь открыла окно.

— Дай мне что-нибудь... Не хочу казаться покойником, — прохрипел он.

— Коли плохо, выпей отвара. Боль не уйдёт совсем, но на короткую беседу силы будут.

Он вызвался сам пить настой, и даже держал плошку. Жидкость бодрила его, он морщился и, казалось, восхищался этим ощущением. Настой пробивал в боли брешь не только обволакивая туманом, а ложился на язык тем невозможно горьким вкусом, какой бывает у таких лекарств.

— Зато не изведает лихорадки, — кивнула Эсперанса, смотря в окно.

— Который час? — голос больного был чужим его горлу. Он часто дышал перед каждым словом.

— Почти девять, — отозвалась Эсперанса.

— Она обещалась быть. Или ты обманула меня? — он приподнял веки, и на травницу уставились темные, провалившиеся глаза.

— Рикардо, сказано было, что ответ придет на своих ногах, — сухо ответила знахарка.

Ричард кашлянул и попытался подняться на локте, но тело не слушалось. Эсперанса подложила ему под голову еще одну подушку.

Он взмахнул ресницами, благодаря.

Внизу раздался звук закрывшейся двери. Эсперанса отстранилась и ушла встречать гостью.

Ричард мысленно ступил в темноту, чтобы отдышаться. Он слышал удивленный вздох, запах знакомых духов и готовился открыть глаза.

«Жив, так пусть она видит.» — приказал он себе.

Соледад поставила плюшку с солью под кровать в его ногах, сделала шаг вперёд, но остановилась, будто боялась подойти слишком близко.

Её руки дрожали под тканью плаща.

— Здравствуй, Рикардо.

Она еще хранила в голосе сдержанность. Но внутри нее все кричало вопреки приличиям: «Живой мертвец. Нет, здесь не помогут ни соль, ни молитвы».

— Здравствуй... — он чуть приподнял голову, чтобы видеть ее лицо. Но уронил ее на подушку и глубоко вздохнул.

— Пришла, как видишь. Что тебе нужно?

Он медленно перевел взгляд на потолок, будто собираясь с мыслями.

— Что у вас? — спросил он.

Для Соледад его голос звучал будто из-за стены. Тихий, глухой. Далекий.

— Не знаешь? Наша девочка пропала.

Он сместил голову набок. В его глазах мелькнула искра. Но у него не было сил на гнев или обиды. Горькое узнавание проживаемой потери отразилось на его лице.

— Пропала. Так ли? Не лги. Раз ты здесь — говори, как есть.

Эти слова дались ему легче, дыхание было ровнее.

Соледад сжала губы, выдержала паузу и ответила с вызовом:

— А что ты сделаешь?

Изможденное лицо Ричарда осталось неподвижным.

«Он бодрится, но утро, наверняка, не встретит...» — Соледад не решалась сесть рядом.

— Зависит от твоих слов, — тихо сказал он, а рука его указала на место рядом приглашающим жестом.

Он спросил с усмешкой:

— Кстати, как я тебе? Ещё украшаю площадь?

Соледад осторожно села, боясь потревожить его. И невольно поморщилась.

— О, да... Тело в клетке, измазанное дегтем — весьма убедительно. — Она перевела дыхание и нагнулась ближе. — Смеёшься, смертник? Хорошо... Элисия не пропала — она ушла.

Ричард закрыл глаза, и его пальцы сжали одеяло. Он надолго затих.

— В чем причина? — наконец, спросил он, не открывая глаз.

— Какую тебе сказать правду?

Он медленно приоткрыл один глаз, устало глядя на нее.

— Уж потрудитесь, сеньора, открыть подлинную...

— Она была на площади. И видела повешенного.

Ричард смотрел на свечу, которая почти догорела. Затем его веки дрогнули, и он тихо произнёс:

— Это лишь повод. В чём настоящая причина?

Соледад отвела взгляд.

— Ты и так узнал довольно. Что тебе хочется слышать? Ещё желаешь надеяться? Это бред. Подумай лучше о душе...

Он улыбнулся ясной, и от того страшной улыбкой.

— Да, желаю, Соли... О душе? В городе вряд ли есть пастор.

Соледад резко встала, но не ушла. Она заговорила, стараясь не выдать смятения:

— Я не скажу тебе всего о девочке. Кое-что мне неизвестно. Но, впрочем, понятно. Она объяснила все тем, что ее прежняя жизнь умерла.

Ричард медленно выдохнул. Снова набрал воздуха и сказал:

— Зачем умалчивать, Соли? Впрочем, Бог тебе судья. Я не отниму её у тебя. При всем желании. Куда она отправилась?

— Известно, куда. Где её не смогут достать отцовские ищейки.

Он укоризненно кивал головой.

— Вот как? Диего не оставили весточки... Где же дочерняя благодарность?

— У нее ничего не осталось. Ты, верно, знаешь, что значит такая боль. А Диего и не скрывал радости по поводу тебя...

Ричард с усилием поднял руку и поманил Соледад ближе. Его голос стал тише, но в нем появилась деловая острота.

— Наконец-то сказана правда. Забрала ли она медальон?

Соледад присела возле его лица.

— Причем это здесь?

— При том, Соли, что сеньорите не место среди случайных связей. Вы открывали драгоценность?

— Даже если открывали, то что? Ты в шаге от могилы... А Диего ничего знать не должен.

Ричард медленно повернул голову и посмотрел ей прямо в глаза. Взгляд его был тяжёлым, но в нём больше не было смерти.

— Я выберусь, если только ты не натравишь на меня губернаторских псов. Тебе говорит что-нибудь надпись с инициалами английского платеро и цифрой «1645»?

Соледад встретила его взгляд и, помедлив, кивнула.

— Да, Ричард.

— То-то... — он закрыл глаза, принял помощь от Соледад, которая вытирала ему лоб собственным платком.

Ричард перевел дух, и на его губах снова мелькнула тень улыбки.

— Полагаю, у меня есть шанс кое-что поправить в этой покосившейся лавочке...

Соледад нашла силы не улыбаться в ответ. И прятала слезы.

«Зол, значит, намерен жить. Лелеет надежду. Безумец. Нет смысла испытывать его терпение жалостью. Этот страждущий ее не примет».

— Слишком многого хочешь, ingles. — она вновь расправлялась с его душой без жалости. — Если выживешь, снова будешь пытаться поставить шах. Не допущу. Её судьба – не твоё дело.

Он опустил голову на подушку и прикусил губу, давая этим якорь своим мыслям.

Его ответ ударил с холодной, почти оскорбительной вежливостью:

— Снова промах. Жаль. Иди, пой саэты, донья. Может, Спаситель тебя услышит.

Соледад встала и замерла у изголовья, вглядываясь в его лицо.

«Глаза живут, но скулы и губы каменные. Он с трудом ладит со словами... Господи, прими его душу».

Она повернулась к двери, задержавшись на мгновение:

— Прощай, Рикардо.

Ричард закрыл глаза. Дыхание его было неровным, но в нем уже не было слышно хрипа. Он тихо, почти беззвучно ответил:

— До встречи, Соли...

3 апреля 1665 года, дом Беларесов

Вот уже несколько дней Диего оставался ночевать у адмирала де Кироза, с которым занимался поисками дочери. Возвращался под утро, но был так угрюм и взъерошен, что лучше было не подходить.

В лицо секретарю летели едкие упреки вместе с клочками бумаги. С ворчанием и проклятиями разливались чернила и звенели об пол бокалы с настойкой. Он раздавал приказы,

люди бессонно шныряли тут и там, к губернатору стекались разношерстные сведения: где была, кто видел.

Но всесильный понимал, что перед ним шелуха, и до луковицы необходимо добираться другими средствами.

Он видел, как трутся друг о друга шестеренки его семейных часов. Мерно, но, возможно, по инерции, качается маятник. Диего с горечью осознал, что какая-то маленькая пружина разжалась и выскочила из крепкой резной коробки.

С доньей Соледад губернатор не разговаривал с того момента, как сам же обвинил ее в случившемся. Однако донья верным неустанным стражем держалась в тени и не раз слышала, как срывалось с его уст: «Проглядел, пропустил, опоздал».

Никого он не винил во всем так, как себя. Ибо сам когда-то возводил в стройный абсолютизм свою семейную систему. Сам же теперь переживал ее разрушение. Соледад любит, верит, но от этого не приходит утешение.

Вернувшись после мессы домой, он не застал донью. Покончив с ужином, решил отвлечься чтением. Но слова, вырванные со страниц утомленным рассудком, сами сползались в приговор, точно черви.

Воистину, не в радость постный ужин, не стоило читать Писание.

Когда минуло десять, послал слуг к соседям узнать, не гостит ли там Соледад. И, получив отрицательный ответ, сам отправился в часовню, надеясь увидеть свою пропавшую сеньору. Но не нашел ее и там. Диего забеспокоился.

Даже здесь нарушен привычный порядок. Что бы ни было, его всегда ждали. Не отходили ко сну, чтобы распорядиться разогреть полуночный ужин, не прекословили, когда он позволял незаслуженное резкое замечание. Все шло в согласии с четким распорядком бытия деятельного королевского чиновника и воспринималось как должное, бесконечное, разумеющееся само собой.

Но стены неумолимо стали рушиться. Почти неделю назад из старого контрфорса выпал камешек, отскочил и затерялся в пыли. Видит Бог, это камешек претендовал на звание краеугольного. Не стало его, и подпора башни начала оседать...

Донья вернулась около полуночи. Через черный ход поднялась наверх. Торопливо подняла сонных служанок, чтобы избавиться от одежд махи. Ей едва слышно донесли, что ее ждут.

У себя в покоях застала Диего. Этот визит мгновенно вытряхнул из ее головы мысли об умирающем. Донья перебирала различные варианты ответа на единственный вопрос...

— Где ты была? — интонация была такова, что могло погрезиться наступление конца мира. Глаза Диего возбужденно горели. Он представлял собой один сжавшийся нерв.

— Я беспокоился. Я ждал тебя к ужину, не знал, где ты. Послал за тобой к донье Химене. На улице сырой ветер... — он впервые выразил свои эмоции так явно, как никогда не был способен сделать.

— Я с тобой. Я здесь. Никуда не уйду...

Первый вопрос Диего так и остался без ответа. Что ж, хвала Господу. Часы уныло пробили половину первого. Губернатор молчал, только посадил ее к себе на колени. Соледад чувствовала, как тело его пронизывает дрожь. Они долго смотрели в темноту.

— Что происходит, Соли? Мне известны факты, но души за ними я не вижу...

— Ох, Диегито... такие, как вы, слепы от рождения. Вы все познаете на ощупь.

— Что с нами, Соли? Как могла она, послушная дочь, рассудительная девушка, уйти вот так? У нее был кто-то?

Соледад молчала. А Диего продолжал раскладывать сведения на первое, второе и третье...

— В покоях ее полный порядок. Не хватает лишь нескольких вещей и, конечно, драгоценностей. Все делалось сознательно и спокойно. Она покинула дом до рассвета. Но она не могла уйти одна...

— С чего ты решил?

— Она моя дочь. Она женщина, в конце концов! А чтобы уйти ночью, нужно недюжее мужество.

— Ты прав, дорогой. Во всем прав... Если б ты сейчас вслушался в свои слова, то, возможно, прозрел бы...

— Что ты имеешь в виду? Не темни.

— Я тебе уже говорила. Прошу, вспомни «Веронских любовников» сеньора Рохаса и тому подобное. Ты сделал бы верный вывод.

— Монтекки. Капулетти. Но, Соли! Она не Джульетта. Она Беларес. Какая связь между написанным и тем, что получили мы?

— Связь в том, что девушка сделала накануне. Нашу карету видели на площади. Разве раньше она проявляла интерес к таким зрелищам? Это не коррида – это... отвратительные последствия вашей тавромахии.

— Правду, Соли! Скажи мне, ты знаешь? Элисия говорила с тобой о нем?

— Она молчала. А всей правды я не могу знать, свет мой... Я только догадывалась.

— Но как это могло случиться?!

— У них было достаточно времени.

— В итоге, это следует расценивать как выходку влюбленной девочки?! Не понимаю.

— Это поступок, Диего. И не акт влюбленности. Это выбор.

— Ересь, Соледад! Я не могу. Принять. Такой правды.

— Мой милый. Посмотри на меня. Услышь меня.

Соледад еще держала в плену голову Диего. Он не пытался вырваться. Он мирился и старался принять истину, которая карала, колола взор и была настолько неправильной для его рассуждений, что обращала его в каменного Сфинкса.

— Элисия любила его.

Донья говорила твердо, высекая на окаменевшем лице губернатора эпитафию всем надеждам.

— После его гибели в наш дом пришла радость, которую она не видела доселе в твоих глазах. Она не смогла принять такое. Не выдержала. Была опустошена и бежала от твоего взора.

— Ричард был честным человеком, пока его не убрали... сюда. Но утрату не восполнить. — подытожил Диего, позволив себе высказать то, что на самом деле думал.

Теперь, перед Соледад, ощущал себя обнаженным. Он собрался. И, казалось, привел к общему знаменателю волю и сердце свое.

— Нужно продолжать поиски...

Соледад почудилось, как ринулись в обрыв все ее страхи.

— Посмотри с другой стороны. Помнишь, ты обмолвился мне как-то, что тот человек во всем походил на тебя. Это значит лишь, что ты, как отец, выполнил свое дело. Ее избранник был подобен тебе... — она старательно помещала слово «был» во фразы о Рикардо, но тем упорнее отгоняла мысль о том, что утром это самое слово обретет необратимую осязаемость. Тогда, действительно, ничего не поправить.

— Второго, такого же, я не вынес бы. Пойдем спать, Соли.

Громов небесных так и не последовало.

Пояснения:

Чапарро амаргосо (исп. chaparro amargoso, лат. Castela tortuosa / Castela texana) — низкорослый, сильно колючий кустарник, распространённый в сухих и полузасушливых областях

Мексики. Народное название «amargoso» («горький») отражает главное свойство растения: отвар из его ветвей и коры отличается исключительно горьким вкусом и с давних пор применялся в мексиканской народной медицине как средство от лихорадки, желудочных недомоганий и как противопаразитное средство. В тексте травница собирает молодые колючие ветви кустарника, растущего на открытом, солнечном каменистом склоне, чтобы приготовить из его коры горький целебный отвар.

Кора копала — смола тропических деревьев, которая застывает и превращается в твёрдую смолу. Эсперанса использует её как антисептик и для заживления ран.

Саэта (исп. *saeta*, букв. «стрела») — традиционная испанская песня, исполняемая а *capella* (обычно без инструментального сопровождения) во время процессий Страстной недели (*Semana Santa*). Название происходит от образа «стрелы», пронзающей сердце в момент религиозного переживания. Это не столько песня в обычном смысле, сколько экспромтное, страстное обращение к распятому Христу или Деве Марии — крик боли, мольба, исповедь, которую певец бросает прямо в толпу с балкона или из окна, когда мимо проходит статуя святого на носилках.

Тавромахия (от греч. *tauros* — бык и *machia* — бой) — искусство боя с быками, коррида.

Платеро (исп. *platero*) — ювелир, золотых дел мастер. В тексте Ричард упоминает его в связи с медальоном и гравировкой.

Краеугольный камень — библейское выражение, обозначающее основу, фундамент. В тексте — метафора разрушающейся семейной системы Беларесов.

«Веронские любовники» — пьеса испанского драматурга Франсиско де Рохаса Соррилья, созданная по мотивам «Ромео и Джульетты» Шекспира.

Сфинкс — в переносном смысле: человек, хранящий тайну или загадку. Диего, пытаясь принять истину, становится «каменным Сфинксом» — окаменевшим от неспособности переработать правду.

Глава 4. Капитан Райт

17 апреля 1665 года,

Шхуна «Ривендж»

— Собрал людей, сэр! — рапортовал боцман Гриффитс. Этот приземистый, крепко сбитый валлиец был остер на язык. Но в эти дни будто дал обет молчания, перемалывая гнев, кровавую жажду и горланя приказы так, словно приговаривал кого-то к рее.

Он стоял навытяжку перед Саймоном Райтом. И косился на другой порядок вещей в каюте капитана.

Столешницу покрывали стопки бумаг, сундуки были переставлены и открыты, а сам Райт не расставался со списком, скрепленным подписью Ричарда.

Лицо душеприказчика было сизым от бессонницы. Он держался на порции рома и похлебке, которую методично приносил кок.

Саймон кивнул, отхлебнул из фляги и вылез из сундука. Прикрепил капитанский палаш, закрепил на перевязи пистолеты и махнул Гриффитсу.

— Не пей больше меня, старина.

«Дневники, письма, расписки, планы, чертежи... Вот тебе и графский архивариус. Шутка ли? Да, сэр, много же у вас бумаг. Ушли, оставили все на верного Саймона. Что говорить, он и с должников взыщет, и письма старые сожжет, и сам распутает наше старое дело. Вернет достоинство и честь. И так далее...»

Белые клочья облаков провожали вельбот.

Саймон устроился на корме, изображая римского легата. И последовал на берег выколачивать долги.

В пути он бился в горьком водовороте мыслей, поглядывая на матросов, которые вопреки привычке гребли молча, будто рычаги механизма.

Люди с «Ривенджа» провожали капитана тишиной и отчаянной работой. Пили два дня, пока стояли на рейде. Чужаков не ждали и не звали.

Послали к Режи, Брэггу и Моргану поклоны из капитанских пожитков, которые он сам им отписал.

На сходке решили, что на юте будет стоять Райт, а подле — Люк Мелье.

Но за общим столом теперь держали место пустым. И не приведи Господь кому-то сесть на место, отведенное «для сэра Ричарда».

Саймона кидало в пот от того, что матросы, особенно англичане, оставили его кличку. И перешли на именование по старым законам.

«Конечно, у Саймона ума хватит. Но довольно ли будет выдержки? Привыкший быть Вторым не поднимет ношу Первого. Несправедливая какая-то философия... Впрочем, я знал: подобный исход — вопрос времени. Либо вы вперед шагнете — либо я. Неизвестно, когда закончится мое везение...»

На берегу кланялся управляющий с плантации некого месье Дюбуа. Саймон принял предложение ехать, а не идти пешком. И четверо морских бродяг вольготно расселись в карете, потеснив месье.

Плантатор мялся, надолго утонул за стеклами очков в собственной расписке, поданной Саймоном.

Он не угодничал, как его управляющий, но Райт и три пары глаз взяли азимут на шею плантатора. И он пробурчал что-то о возможности отдать табаком.

— Серебром, месье. Как уговорено. А табак, извольте, мы готовы приобрести. — мистер Райт и его джентльмены обступили хозяина.

А через полчаса уже возвращались к вельботу с сундуком.

Кого-то из соседей табачника пришлось «учить» при помощи легкой зуботычины. И месье так же раскошелился, проклиная английского скрягу, который готов обобрать до нитки честного человека.

Кому-то вязали руки и купали в садовой бочке с цветущей водой. И получили золото. Саймон не стал одергивать людей. Ведь те даже собаки не тронули и не сломали ни одной ветви апельсиновых деревьев. А ребята не играли в суровых кредиторов. Просто прихватили в качестве процента часть урожая.

— Полагаю, дело улажено, сударь. Вы просрочили на три месяца.

— Вам всем там гореть, господа! — еле дышал француз. Он не сошел на брань, в носу хозяина был стойкий запах тины.

Саймон заглянул к Мэри. И та, нахохлившись, словно продрогла от сырого ветра, подала им обед сама.

«Где же ты ошибся, Ричард? В чем просчет? Нет, ошибки не было. Твоей, во всяком случае. Дела — набело. Имущество расписано. О том, что готовилась облава — подозревал. Самоубийство? Увольте. Тащить с собой в могилу 20 человек... Глупо. Виноват я. Не остановил. Не убедил. Еще одна жизнь в уплату за мое бездействие».

Саймон сидел прямо и держал руки, как и положено тому, кто приказывает и платит за стол. Но спина ныла, готовясь переломиться под тяжестью приступа самоедства.

Матросы подлили капитану побольше. Пили одним глотком, заедая мясом и лепешками.

Осталась Мадлен. Хозяйка оставила весь первый этаж в ведение Китти. И не зажигала в своих покоях свет. На этой неделе ее месье остались без сладкого. Но Мадлен задвинула ставни, отослала служанок и долгие часы сидела, поджав ноги, уставившись в занавешенные зеркала.

Девушки видели, как дрожат ее плечи под тонким батистом. Как, преклонив колени, мадам шепчет молитву. Утро приходило. Но для Мадлен ночь затянулась.

К Мадлен надлежало явиться, содрав со скул щетину и потрудившись сменить шарф.

— Вот, выпей-ка. Доктор велел. — месье Мелье так и не перебрался в полюбившийся ему капитанский сюртук.

— Сам глотай. Невозможно. Хоть бы меду бросил туда... — Саймон протестующе закрылся. Люк хмыкнул, подобрался к капитану с другого бока:

— Слушай, Арман добавил, ежели капитан не изволит — он устроит на борту бунт.

Саймон не пошевелился.

— Три дня почти без сна. Он бы не одобрил. Да, и на кой нам капитан, который скоро свалится и не встанет?

Райт молча протянул руку и выпил, зажав нос.

— Вот и славно, — Люк выхватил из его рук кружку. — Подумал... Мадлен, наверно, я сам скажу.

— Попробуй. Я более чем уверен, что лишусь старшего помощника тут же.

— Откуда такая уверенность?

— Если судить по вашим с ней перебранкам, узнай она о том, что произошло — немедленно спустит курок.

Люк прошелся до двери и обратно, пожимая плечами.

— Как вам угодно, сэр. Только выгоднее потерять старшего помощника, чем самому лишиться головы.

— Не смей язвить. Поступлю, как лучше. К тому же, Ричард распорядился в этом случае передать ей некую собственность. И сделаю хотя бы это, если не смог предотвратить...

Люк подступил к капитану вплотную и тряхнул за плечо.

— Предотвратить что? Не мне с тобой спорить, ибо мы, как это говорится... априори в разном положении.

Саймон указал Люку на табурет, и тот, не глядя, занял его.

— Он должен был рискнуть. И я понимаю, почему.

Он моргнул и прищурился от света. Глаза Люка под фонарем, укрепленным на потолочном крюке, были прозрачны, но блестели, как молодой банановый побег.

— Тебе этого уже не уразуметь. Сам посуди, кем ты был «до». Семейный человек, офицер. Ты не был выскочкой, не был и желающим выслужиться. Ты шел так, как вела тебя твоя морская фортуна. И кем был он? Его вырастило море. Кроме его звания и заслуг, а еще молодца-брата у него никого не было. А тут был такой шанс. Совершенно блестящий.

Райт отвел глаза и отодвинул в тень маленькую шкатулку, которую было велено хранить, «даже если...»

На дне остался кецаль, маленький наперстник в беде. Саймон ощущал, как в голове выгнулась и расправилась какая-то пружина, будто соскочила с крючка. И он отвечал более многословно, чем ожидал:

— Не верю, чтобы он просто польстился на тот блеск. Не верю, чтобы он мог потерять разум... Крайности не были его стезей... Он писал, что устал. Вот и загнал себя в западню. Впрочем, не нам давать оценки его поступкам. Но я должен был помешать...

Люк отхлебнул из своей фляги, скрестил пальцы на затылке и впервые нашел минуту для улыбки.

— Посмотрел бы я на то, как не стало бы в одночасье Саймона Райта. Перевари, мой друг, свою вину, как я свою. Вспомни, что он сказал тогда, после замены приговора? Что голову положит за тех, кто стоял с ним на эшафоте. Он свой долг отдал. Вот так...

Райт пальцем нашел крышку шкатулки с изумрудной брошью и с тихим стуком закрыл. А Люк ободрился, видя, как лицо нового капитана немного разгладилось, перестав напоминать восковую маску.

— Коли тебя выкрикнули капитаном, крепись... Мало ли мы теряли? Наказал вернувшихся трусов? Правое дело. Накричал на Люка? Что ж, этот олух вечно думает не о том. Пойди, встань из-за стола. Наплюй на эти долговые расписки.

— Ты прав. Я закрылся в скорлупе. Ты держишься, а я дал слабинку.

— Я? Я всегда держусь... Ладно, еще ты разговорился. Молчал, как утопленник. Я уж подумал — ты язык съел.

— Месье Мелье.

— Да, сэр!

— Марш на палубу. Проверьте вахтенных.

— Слушаю, сэр.

— Хотел меня видеть? — мадам отвечала твердо, почти скучающим тоном.

Мадлен припудрилась. Была причесана и безупречно одета.

Саймон нахмурился, видя черный атлас и белые плечи, в мелких веснушках. За то, чтобы надеть на Мадлен жемчуг, один капитан как-то пригвоздил другого.

Тогда это было условием победителя, и в глазах молодой хозяйки веселого дома выглядело пикантно. Сейчас украшения заперты в шкатулках. На плечах тонкая кружевная шаль, темной змеей спустившаяся с кресла.

Саймону подали кофе по его вкусу и устроили напротив хозяйки.

— Здравствуй, Мадлен.

— Ты скажешь мне, верны ли слухи? — Саймон коротко кивнул. — О, лучше молчи. Я поняла... Его хотя бы предали морю?

Райт опустил чашку на блюдечко с неподобающим шумом...

— Нет, Мадлен. Он, очевидно, в Веракрус, радуется горожан.

— Я могла бы напустить на тебя. Но если ты не смог забрать тело, значит это почти невозможно.

— Рад, что не пришлось много говорить и пространно объяснять. — капитан «Ривенджа» сделал глоток и приготовился выслушать отповедь.

Но Мадлен приподняла подбородок и отмахнулась.

— Мне ты ничего объяснять не обязан. Тебе тяжелее — ты остался. Порадуйся за мертвого — ему больше не испытывать таких забот.

— Сколько же тебе лет, Мадлен... Даже я не дошел до таких рассуждений.

Мадлен сморщила нос.

— Ты не джентльмен, Райт. А я? Вечная девочка. Тебе нечего рассуждать — лучше как следует выспаться. Без снов.

— Позже. Нам снова в море.

— Ты устал. Вот, смотри, под глазами черно. Загнал себя. Боишься тоже не успеть что-то?

— Нет, я лишь желаю закончить с исполнением завещания. Тебе тоже кое-что причитается. Ознакомься...

Саймон подал грамоту, скрепленную печатью. С лица Мадлен сошел румянец.

— Он с ума сошел... За что мне столько?

— Ему виднее, как распорядиться своей собственностью. По-моему, для тебя — это шанс вырваться из паутины. Ричард, точнее я, предлагаю тебе пойти на Мартинику с нами. У нас там сделка. А ты попала бы домой.

Мадлен вскочила и рассталась с шалью. Она обошла вокруг своего кресла и в неожиданно изломанном жесте собрала руки.

— Домой... Черт, Саймон, ты посмотри: мое дело, мои девочки! Их же сожрут без меня!

Райт подошел к столу, плеснул бренди в бокал и подал Мадлен.

— О, твоих кошечек так просто не съесть. Неужели, некому тут больше заправлять? Не глупи, Мадлен. Это и то, что тебе предложено, несравнимо. Я бы на твоём месте не стал разбрасываться таким наследством.

— Хорошо. Я буду наследницей дядюшки Ричи. Когда вы уходите?

— Через два часа. Если быть точным, через два часа с четвертью.

— Благодарю покорно...

— Всегда к вашим услугам, сударыня. Я приду, чтобы проводить вас на борт. Даю час на сборы.

Мадлен подняла с пола шаль, набросила на одно плечо и потянулась к колокольчику, чтобы позвать всех.

«Всегда думала, что Саймон просто педант-тихоня. А он... Впрочем, Ричи знал, кого оставил.

Во что ты ввязал меня, Эспада? Даже с Того Света смог меня достать. Спи спокойно. По крайней мере, ты не висишь на перекрестке. И еще доставишь хлопот испанцам. Пора звать Китти. Мадлен умирает...»

Пояснения:

Боцман — старший палубной команды на корабле, отвечающий за порядок, снасти и дисциплину среди матросов.

Валлиец — уроженец Уэльса, части Британских островов, объединённой с Англией унией XVI века. Валлийские моряки были обычным явлением на английском флоте XVII века; их родной язык (кельтский по происхождению, не похожий на английский) и по-фольклорному вспыльчивый, упрямый нрав — устойчивый культурный стереотип эпохи — делали таких персонажей узнаваемым типом на борту английских судов.

Вельбот — быстроходная лёгкая шлюпка с острым носом и кормой, использовавшаяся для передвижения между кораблём и берегом.

Душеприказчик — лицо, назначенное в завещании для исполнения последней воли покойного и управления его имуществом.

Кецаль (исп. quetzal) — священная птица индейцев Центральной Америки, символ свободы

Легат — в Древнем Риме: облечённый полными полномочиями представитель власти — посол, ведущий переговоры от имени Рима, либо военачальник/наместник, управляющий от имени императора.

Глава 5. Донос

Fama, malum quo non velocius ullum

10 апреля 1665 года,

Веракрус

Хуан дель Тьерро, доблестный ревнитель общего спокойствия, желанный гость в лучших домах города, недавно отличившийся так, что чиновники развязали кошельки, ещё держался на пьедестале.

Кроме полагавшейся награды, благодарные жители заплатили французскому мастеру, месье Бертрану, за портрет майора.

Лучшая лесть. Чтобы потом можно было большее уронить в грязь.

«Смею уведомить Ваше Сиятельство, что во владениях Ваших обнаружилось черное предательство.

Майор Хуан дель Тьерро вместо радения по службе и охраны вверенных Вам владений занимается контрабандой и входит в сношения с противниками Короны. Оное стало известно от солдат капрала Мендосы, которые несли караул у северных ворот. Караван пришел с побережья с эскортом из пяти вооруженных людей, в том числе и майором дель Тьерро.

На выходе из города часовые остановили караван. Дель Тьерро вынужденно назвал себя и получил пропуск. Однако один из мулов с поклажей отказался идти дальше, и кто-то из погонщиков в гневе окликнул его по-английски. На эту оговорку, однако, не обратили внимания. Что очень прискормно. Из чего искренний доброжелатель Вашей Светлости вынужден был прибегнуть к подобному средству. Прошу поверить сему посланию и не считать его изветом, так как составлено оно из-за верноподданнических суждений».

Хуан сначала держал гадкий список с оригинала двумя пальцами. А когда вчитался, уцепился за лист обеими руками и охнул. Верный Пако имел своих писарей в тех местах, где можно было получить монету.

«Кто может сделать большее зло человеку, кроме доносчиков?!» — Хуан выпустил гнев, скомкав рубашку и зашвырнув её в угол.

Он вытряхивал из сундука бумаги, подсчитывал сбережения, рвал то, что можно было считать расписками. Посреди домашнего хаоса он вдруг оглянулся и замер.

С портрета на него смотрели карие глаза человека, который был выше мыслимых страхов.

Хуан набросил на полотно тонкую вуаль от пыли. И начал жечь бумагу.

«Это конец, дель Тьерро... Как откровенно написано. Подлец явно знает, о чем говорит. Кто это может быть? Кто? Люди Муньоса, стоявшие в карауле. Неотесанные мужланы. Они и понятия не имеют о чужих наречиях. Для них что испанский, что басконский, что английский».

Майор перешел к разбору оружия и пороха на случай, если времени не осталось.

«Змеи. Обвиваются кольцами вокруг твоего благополучия, а ты даже не можешь их придушить! Так, это подбросили ко мне ночью. Слуги не видели, значит, негодяй действовал по плану. И довольно осторожно. Одна копия, очевидно, в моих руках. Тогда вторая бумага у его Светлости. Беларес, наверняка, рвет и мечет».

Он сделал несколько шагов по комнате без цели, дожидаясь, когда на толстом подносе сгорят остатки его надежд.

«Врешь, мой друг, моя репутация нынче так высока, что её не запятнать такими посланиями. Черт. А если есть ещё бумага?.. Она должна быть у полковника. Тогда грядет проверка. Допрос тех ублюдков... И... требунал. Нет. Нет!»

Он наскоро переоделся, собрал клочки бумаг и сбросил в мешок.

«Хуан, думай, пока ещё есть голова. Письмо на имя губернатора. Значит, это предупреждение. Есть время и средства, чтобы откупиться. Или застрелиться... Сбежать, наконец. Трус. Боже, сбежать, неся за спиной такой позор! Должен же быть выход!»

По улице шагала рота полка из Мехико. Эти столичные смутьяны уже освоились, теперь поступили не только в караул, но охраняли форт и дополняли патрули.

Дель Тьерро глянул в осколок зеркала, которое треснуло ещё утром. В собственном одноглазом лице он не узнал себя.

Наконец, он взвел курок.

«В конце – концов, не так затратно... Уже не важно, кто отмоеет стены... Как глупо подыхать из-за какого-то идиота, решившего поиграть в святого...»

С улицы стелился влажный зной. Долетал запах тамалес, фаршированных чем-то острым. Хуан сглотнул и убрал оружие.

11 апреля 1665 года

Стервятники не слетелись ни к ночи, ни на другое утро. Деревья в саду манили мокрой листвой.

Но майор не появился на плацу, а вызвался уйти с охраной на строительство стены на южной окраине города. А к вечеру, бросив карты и оставив вопросы Франсиско Нуньесу, пробрался за реку и стал петлять в сторону Пуэрта де Мерсед.

— День добрый, почтенная.

— И вам сеньор.

Сухая рука потянулась из-под плаща и приветствовала гостя. На циновке перед входом сидела старуха. У ног её стояла корзина с фруктами, а сама она лакомила горячим элоте. Этот маисовый дух витал над переулком.

— Не найдется ли у вас места присесть уставшему человеку?

— Садись подле. Устал, так бери элоте. Ещё горячий. Натру тебе солью.

Хуан осторожно опустился рядом на циновку и вздохнул.

— Сколько стоят?

— Бери, не спрашивай. Все равно заплатишь. Одежда добрая, вижу.

— Благодарю... за радушие. Но меня привела к вам беда, и я не поскуплюсь на плату.

Старуха обглодала початок и бросила за спину.

— Беды своими ногами не ходят, известное дело. Их все за плечами носят. Какой у тебя груз?

— Жизнь, — прошептал Хуан.

— Твоя ли тебе надоела или чужая? Не отводи глаза. Время, видно, черное для тебя настало. Оружие есть. Так что же не пустил в ход его? Боишься?

— Н-нет... Не хочу его марать.

— Тоже верно.

— Не спрашивай, что со мной случилось. Все это страшно и безнадежно.

Её руки протянули ему хикару с атоле. И Хуан жадно глотнул. Старуха щедро подмешивала к маисовой муке какао.

— Что ты хочешь?

— Забыться. Без боли и судорог. Чтобы кошмара, который вот-вот случится со мной, не стало. Есть такое зелье, я знаю.

— Ты сказал слово. Но умирать легче утром, сеньор. Травы лучше действуют.

— Мне все равно, только чтобы быстро.

— Хорошо. Будет тебе настой.

Она, кряхтя, поднялась, подобрала плащ и ушла в дом.

Хуан оглядывался по сторонам, но переулок был пуст. Только у входа к соседям толкалась пара пьяниц, которым наливали пульке.

Старуха вернулась, тихо затворив дверь.

— Вот посмотри, — в крючковатых пальцах, когда-то ловких и длинных, был глиняный пузырек, такой маленький, что удивительным казалось умение гончара сделать такую тонкую работу.

— Три капли дают сон, долгий и без сновидений. Четыре – смерть, быструю и легкую. Подмешай в воду или вино, что тебе более по вкусу.

— Четыре...

— Да, несколько часов – и конец неизбежен.

— А если больше четырех?

— Мгновение.

— Сколько стоит такая роскошь?

— Сколько не жалко отдать?

Хуан не колебался. Он опустил к её ногам кошель. Схватил зелье. И ещё мгновение стоял, прикидывая, куда свернуть.

— Ступай теперь, может, до вечера дурман у тебя пройдет, и передумаешь...

— Прощай, — ответил Хуан, боясь оглянуться.

Он определил себе срок. Уйти до десяти часов. Жара отступит, а звуки жизни на улице Мирамар станут тише: все господа оставят дома и отправятся на Плаза де Армас или в гости.

Он закрыл ставни плотнее. Сбросил чешую колета и налил хереса.

«Слишком мало времени на сомнения. Иначе тебя заставят рассуждать по-другому. Попляшешь на дыбе. Пей... Это должно быть не так противно...»

Но сделать глоток майору не позволили. Денщик настойчиво стучал в дверь. Хуан слышал, рядом с ним ещё один приглушенный голос.

— Простите, сеньор. Но прибыл поверенный губернатора. Его Светлость требует к себе.

Хуан выплеснул вино в окно. И открыл дверь.

Слуга в ливрее Беларесов передал бумагу и выжидающе вытянулся.

— Передайте ему, что буду непременно, — как можно спокойнее ответил майор.

«Черт бы побрал эту старую лису! Уже прознал. Ладно. Попался – придется отдуваться».

Пояснения:

Fama, *malum quo non velocius ullum* (лат.) — «Молва — зло, быстрее которого нет ничего». Эпиграф взят из поэмы Вергилия «Энеида».

Караван — группа вьючных животных (мулов) с грузом, передвигающаяся под охраной.

Извет — устаревшее слово, означающее донос, клевету. В тексте доносчик намеренно использует это слово, чтобы дистанцироваться от обвинений.

Тамалес (исп. *tamales*) — мексиканское блюдо из маисовой муки, фаршированное мясом или овощами и завернутое в листья кукурузы.

Пуэрта де Мерсед (исп. *Puerta de Mercedes*) — одни из городских ворот Веракруса; название означает «Ворота Милосердия».

Элоте (исп. *elote*) — молодой, свежий початок кукурузы, варёный или жареный. В тексте старуха лакомится им на улице.

Хикара с атоле (исп. jícara, atole) — традиционная мексиканская чашка из тыквы или глины; атоле — густой горячий напиток из маисовой муки, часто с добавлением какао или специй.

Пульке (исп. pulque) — мексиканский слабоалкогольный напиток из сброженного сока агавы.

Глава 6. Визит к губернатору

11 апреля 1665 года

Дон Диего был при королевских регалиях, но в черном колете. Пасха обошла этот дом, принесла лишь потери и вопросы. Лицо губернатора отражало теперь многие признаки возраста, усталости и скрытой боли. Но достоинство и спокойствие остались при нем.

И Хуан некоторое время не мог вырваться из тисков его взгляда.

— Думаю, Вы понимаете, что я даю неофициальную аудиенцию.

— Да, Ваша Светлость.

— Полагаю, не стоит откладывать с поводом, по которому вы здесь.

— Я обратился в слух, Ваша Светлость.

— На вас совершен донос, майор. Дело гнуснейшее в своей наглой откровенности, — дон Диего опирался на спинку кресла и продолжал стоять, жестом указывая майору не приближаться.

— Я не удивлен, что вам тоже принесли бумагу, сеньор губернатор. Точно такую же мне подбросили рано утром.

— Она при вас?

— Нет. Я её сжег.

— Опасная поспешность. Мы могли бы сверить почерк. Возможно, это дало бы шанс кое-что выяснить. У вас есть какие-нибудь предположения о том, кто мог пожелать очернить ваше имя?

— Н-нет... господин губернатор. Уверен, что нет...

Дон Диего медленно опустился в кресло за столом и поправил массивную золотую цепь на груди. Он молча расстегнул верхнюю пуговицу колета.

Щелк! Часовой механизм сработал, и часы мелодично пробили одиннадцать.

Щелк. Щелк.

Стрелки пошли дальше. Хуан слышал даже, как оседает пыль на ковер.

— Сударь мой. Обвинения серьезные. У вас не так много шансов оправдаться, в случае, если хотя бы один факт найдет бледное подтверждение этому навету. Подумайте, кто мог это сделать.

— Вы правы. Но я считаю, что это гнусной клеветой...

Хуана трясло. Только что его взор зацепился за край столешницы. Секретарь, будто в насмешку над бедами майора, вытянул из папки с прошениями бумагу с печатью миссии ордена. Хуан различил уверенную, но витиеватую подпись господина Монкады.

— Вас лихорадит, майор. Вы больны? Может, глоток вина?

— Нет, благодарю. Не стоит беспокоиться, дон Диего. Скажите, а полковнику известно о произошедшем?

— Сеньор Муньос после обеда отбыл в форт. И ничего пока не знает. Тем более, послание адресовано мне. Что ж, сеньор дель Тьерро. Коли у вас нет никого на подозрении, спрошу хотя бы о том, какого характера был почерк?

— Н-не знаю, право, — замялся Хуан, все ещё пытаюсь осмыслить увиденное. — Почерк... Острый, убористый, аккуратный. Что прикажете делать со мной, Ваша Светлость?

Диего поднял голову.

— Я предполагаю, что нет необходимости подвергать вас аресту. Надеюсь на вашу честность. Я распоряжусь, чтобы вы до проверки правдивости сего письма находились дома. В увольнении. Под моей личной охраной.

Губернатор единым дыханием заменил в своей фразе слово «дознание».

Хуан качнулся. И комната мгновение плыла перед глазами.

«Ещё хуже, черт. Надо было пить. Так и знал, что он сам займется всем. Кто бы усомнился?..»

— Благодарю. Домашний арест, конечно, облегчит мне состояние. Мне сдать оружие?

Глядя, как сереет лицо майора, губернатор проявил остатки милосердия.

— Вас не лишают ни привилегий, ни чина, ни уважения. Я как представитель Короны в этих краях обязан исполнять закон.

— Меня отсюда препроводят? — выпалил Хуан.

Губернатор встал из-за стола и бросил приходящему в себя майору:

— Я решу. Ждите.

Он направился к двери. Дон Рибера был рядом, а позади него стояли дюжие молодцы из Мехико.

Хуан одернул воротник, рука сама легла в карман. Свое спасение он прихватил с собой.

«Да, Хуан. Ты определенно горишь. Стоит ему поддеть людей Мендосы... как домашний арест превратится в камеру пыток. Старый змей. Знаю, за что ты меня ненавидишь?»

Он метнулся к столику у окна, где стояло поданное накануне вино. Дон Диего не допил бокал.

И Хуан торопливо сжал тонкую венецианскую ножку:

«Ты ничего, ничего не успеешь проверить!»

— Раз, два, три, четыре... Четыре...

Рука окрепла, когда отмеряла четвертую каплю. Хуан аккуратно протер перчаткой основание бокала и поставил на прежнее место.

«А теперь в приемную. Пусть вяжут. Завтра поглядим, кто кого зажмет в угол».

К полуночи дела закончены. И дон Хусепе Рибера откланялся.

Губернатор приказал оставить лишь несколько свечей и пригубил вина.

«Суета и пустые метания. Майор празднует труса? Очевидно, попался на зуб кому-нибудь из господ-падальщиков из ордена. Поиграл, а теперь покинут. Отменная получается интрига».

Бокал пуст.

И руки спокойно лежат на подлокотниках, а глаза выхватывают короткие тени и блики на ночной листве.

Диего не желал ни одной души рядом, чтобы проводить ночь. Соледад борется со сном и ждет. Несчастный дон Асеведо готовится к отплытию.

«Право, как тихо. Воздух словно звенит».

12 апреля 1665 года

Ночь стекала с небосклона медленно, как вязкий сироп.

Майор не спал. Сначала отослал денщика в таверну за ужином, потом принялся метаться из комнаты в комнату, ожидая стражей.

У дверей слышались голоса. Господ офицеров пустили. Те поклонились майору, но не предъявили бумаги, не отняли оружия. Только проверили крепость ставней, закрыли окна и с уставным поклоном заперли дверь снаружи.

Хуан улыбнулся.

«Нашли кого ко мне приставить. Пабло и Энрике Суарес. Знатные сплетники. Это не арест, это пытка временем...»

К утру караул сменился. Не было суеты или многословия.

Весь следующий день ему приносили еду, вежливо осведомлялись о нуждах.

На лицах проходящих не было ни беспокойства, ни холода. Это был почетный арест, где жертва не знает, когда ступени кончатся, и перед ним возникнет дыба или петля.

К полуночи в караул заступил капитан Франсиско Нуньес.

Он заглянул к Хуану, который бился над разрешением загадки. Передал просьбу губернатора пытаться вспомнить подробности последних недель.

Пако кратко кивнул, когда Хуан спросил про другие аресты. Уходя, капитан Нуньес отдал последний долг своему другу: оставил ему флягу, но среди ремней, оплетающих её, Хуан нашёл нож.

«Фортуна совсем забыла обо мне, и забросила к этой индейской ведьме. Лживая тварь. Ей, верно, доставило удовольствие обмануть теуля. Он даже не уснул. И в своем бодрствовании натворил дел. Послать за полковником? Блестящая идея. Арестовать свидетелей? Великолепно. Но вы опоздали, сеньор губернатор. На свете ещё есть настоящие люди.

Пако, верный Пако. Сколько же на тебя свалится дел! Один ты смог остановить мою смерть, поменяв караульных... Бежать, немедленно!»

Хуан переоделся и тихо открыл боковые ставни со стороны внутреннего двора.

«Невелика потеря, коли пристрелят на улице. Воздух в покоях хуже гарроты. Пако, да продлит Господь твои дни... Переставил часовых...»

Пояснения:

Регалии — знаки монаршей или должностной власти. Дон Диего на аудиенции при «королевских регалиях», но в чёрном колете — это подчёркивает траурное настроение дома.

Орден — здесь имеется в виду Общество Иисуса (иезуиты), влиятельный католический орден, часто игравший политическую роль в колониях.

Монкада — дон Висенте Монкада, влиятельный иезуит, связанный с губернатором и с делом Ричарда. Его подпись, увиденная Хуаном, становится ключом к разгадке.

Полковник Муньос — испанский офицер, командующий гарнизоном в Веракрусе. Упоминается как возможный получатель второй копии доноса.

Глава 7. Безумный Серхио

Одна капля плюс одна капля — будет капля побольше, а не две капли.

20 мая 1665 года

Ричарду снились густые туманы, которые нежно баюкали белые города. Пустынные улицы, бегущие к побережью. Снились моря, необъятные и хмурые, но вода в них была, будто слюда, недвижна и спокойна. Как глаза мертвеца.

Он видел берега с бледно-жёлтым сырым песком, изъязвлённым следами от сотен ног, бурые скалы, жадно вылизанные волнами, словно обглоданные стервятниками человечесьи остовы.

Он бродил по отмели, смутно осознавая, зачем он здесь. Вода любовно ласкала его ноги, а он искал среди окружавшего его сырого безмолвия хоть какие-то признаки жилья. Но поиски длились напрасно.

Затем ткань одного сновидения разорвалась, и пространство изменилось. Вместо сумеречных земель он видел утопающий в зелени остров. Берега, изрезанные уютными бухтами, и горные пики, почти одетые лесом.

Невидимый провожатый показывал ему пустынный пляж, на котором среди рыбачьих лодок сидела группа женщин. Верно, они ждали своих мужей с уловом.

Одни оберегали костёр, другие чистили плоды хлебного дерева и готовили из него немудрёное варево. Третьи починяли чью-то одежду.

При его появлении их лица лукаво просияли, они расступились, и его взор встретился с пронзительно синими глазами той, кого он искал на протяжении всего сна. Беглянка сидела рядом с костром, чуть поодаль, и штопала мужскую рубашку. В домашнем будничном платье, золотая корона волос забрана в простую причёску. Она улыбалась, весело говорила что-то. Он не слышал её голоса, словно сам находился под стеклянным колпаком, но мог читать по губам.

Она, видя его замешательство, знаками приглашала сесть рядом. Её спутницы, почти не глядя на них, снова погрузились в дела... Едва он получил заветное приглашение, сон оборвался, словно обвалился выцветшей штукатуркой.

Ричард с трудом открыл глаза. Он смотрел на яркие солнечные пятна на потолке и не понимал, где находится.

Днём был молчалив и хмур, силясь вспомнить очертания далёкого берега.

— Я знаю это место... — твердил он для самоуспокоения. Но память изменяла ему.

Шаг. И ещё один. И ещё... Дорога до окна.

Руки слушаются, и ставни открыты. Дом, опираясь на старый фундамент из грубой циклопической кладки, стоял выше других крыш. И глаза больного зацепились за тёмную синюю полосу воды на горизонте.

Вдох. И ещё один. Кажется, душа, неделями сидевшая в закупоренном жарком сосуде боли, начала «расправляться» и вставать во весь рост. Дышалось легче. И темнота перед глазами уже не опрокидывала сознание.

Эсперанса возникла за его спиной в тот момент, когда раненый вправлял в петлю покосившийся ставень.

Она молчала, скрестив руки на груди. И смотрела на него с любопытством.

Ричард опустил руки, но ставень благодарно скрипнул и пошёл ладно, как вправленный сустав.

Сеньора бруха умела улыбаться.

Через неделю Эсперанса вывела Ричарда в патио. Этот двор был небольшой и походил на аптекарский огород. Дом со стороны улицы казался меньше. Сад за окнами был полузаброшен, а внутри патио разбиты грядки.

Эсперанса не ходила за водой. В углу двора среди камней бил наглый маленький родник. Он уводил русло куда-то под стену. Знали ли соседи об этом сокровище?

Неизвестно. Что ж, в этих местах налог на воду ещё не вводили.

Стоило поднести руку, как холодная струя начинала брызгаться. Зубы начинало сводить, едва пытаешься сделать глоток.

Раненый жмурился от ярких бликов, играющих на стенах, и пил.

Хозяйка позвала его. И он медленно побрёл в другой угол двора, где стояли три камня, образующие очаг. Эсперанса уже отправила на комаль первую лепёшку.

Ричард кивнул в сторону жёрнова, но бруха отрицательно качала головой. Не время ещё так давать работу рукам.

Ричард лёг на циновку рядом, внезапно ощутив усталость. Он подоткнул плащ под голову и перевернулся на спину, чтобы смотреть в потолок.

— Мне снятся странные сны. Долгие переходы, коридоры, пещеры, гроты. Много воды, которая почти недвижна, безлюдные берега. Я словно блуждаю без цели. Потом я вижу ту, которую желал бы видеть рядом. Но всё неизбежно ускользает под утро.

Эсперанса ответила не сразу. Дожидалась, когда можно извлечь лепёшку.

— Все эти видения от нездоровья. Рана затягивается хорошо, но долго будет напоминать о себе.

— Я почти здоров. И не могу больше тебя обременять. Отпусти, — голос ещё не подчинился ему по собственному желанию. И был тихим и глухим.

— Ты ещё слаб. Хотя такие, как ты, поднимаются быстро. Бродячие псы выносливы... Ты тоскуешь.

— Не привык сидеть в четырёх стенах...

Он дождался своей тортильи. А хозяйка негромко смеялась, глядя, как он бесстрашно впивается в лепёшку зубами.

— Так бы и сказал, что руки твои скупают без дела. И нечем занять ум, кроме беспокойства и бесплотных планов. Я видела, как ты вчера ловко чинил ставни, а потом воскресил табурет. Хороший плотник? Значит, будет тебе инструмент. В этом доме работы довольно.

— Прекрасно. Завтра и начну.

— Береги силы. Их ещё слишком мало, чтобы ты обеими ногами стоял на Этой Стороне. Раненый сдвинул брови и на мгновение отвернулся.

— Я не могу приказывать тебе больше думать о своём здоровье, чем о других вещах. Ты стал хуже есть и меньше спать. Разум твой не здесь. Верни его обратно, чтобы он не разминусь с твоей головой совсем. Что улыбаешься, Ласаро?

— Ты смешно бранишься. А что до моего ума, то это лишь моё дело, куда его направлять. Как бы мне ещё разжиться пером и бумагой...

Он попросил жестом ещё кусочек угощения. Эсперанса подала ему тарелку.

— Я дам тебе и то, и другое. Только послушай меня. Сейчас время безмыслия. Оно полезнее для твоего тела.

— Мне надо вспомнить кое-что. От этого многое зависит.

— Вот послушай, что я тебе расскажу. А потом сам суди, что тебе делать.

— Сегодня ты разговорчивей.

— Как скажешь. Слушай. Десять лет назад в доме по соседству жил безумный Серхио. Он был художником. Я ходила к нему лечить его ноги. Не знаю и, верно, не хотела бы знать,

каким образом этот человек оказался в нашем городе. Он был замкнут, нелюдим и одинок. Но руки его творили для других чудеса.

Когда ты сможешь вставать, и я позволю тебе уйти, пусть ноги приведут тебя в маленькую церковь Санто-Доминго. Подними голову вверх и увидишь работу Серхио. Фрески врезаются в память сильнее кирки горного мастера. Впрочем, я не об этом. Как я уже говорила, жил маэстро уединённо. После работы в ему достались неплохие деньги, благословение епископа и... больные суставы от постоянных сквозняков. Он мог бы купить убежище лучше и поближе к домам господ, но он остался здесь.

Жил этот сеньор тихо, но вскоре соседи стали поговаривать, что он одержим. Серхио вставал до света. Поднимался на крышу, ставил там холст и, глядя на восток, работал в рассветные часы. Едва солнце поднималось выше, он уходил и целый день не показывался. Недели напролёт он писал. А потом, по прошествии месяца, в полночный час из трубы его дома валил густой чёрный дым. Дальше всё повторялось опять.

Нельзя сказать, чтобы Серхио был очень приветлив с другими, но я не находила в его приёме ничего дурного, когда приходила с лекарством и советом.

Соседи же сторонились его.

Скажу ещё, что семья, жившая поблизости от дома маэстро, считала, что им всем тесно в маленькой касе с квадратным патио, который, по их разумению, впускал слишком мало солнца.

— Постой... я, кажется, понимаю, в чём дело...

— Не перебивай. Ты видишь лишь шелуху сейчас. Я скажу главное. Конечно, всё случилось так, как ты разумеешь. На Серхио донесли. Мне неведомы все подробности дела. Меня-то вряд ли кто удосужился бы спросить.

Знаю одно: через три дня изломанное и еле живое тело привезли на костёр. Я, как и многие, пошла посмотреть. Художник был спокоен и тих. Он знал, что даже так, в чаду и пламени, эти слуги закона исполняют его последнюю волю.

Он встречал свои последние минуты на рассвете. Поленья начали тлеть, а лицо Серхио, обращённое к востоку, было беззаботным и светлым. Пока дым не застлал его лицо, я видела его глаза. Художник был рад.

Потом были недолгие мгновения агонии. Такие люди хорошо горят.

После обыска в доме несчастного не осталось ничего: сняли даже дверные замки. Но ищейки не нашли денег. И за это честили покойного «проклятым мориском».

Зато на свет божий выволокли его картины. Я видела их прежде и знала: эти холсты он не успел сжечь. На них в нежном блеске над крышами нашей улицы поднималось солнце.

— Он месяцами писал рассвет? — Ричард провёл рукой по волосам.

— Именно. Я поняла тогда, почему он был рад умереть там. Потому что с того помоста на площади он, как ему казалось, имел лучший вид того, что хотел бы изобразить.

— Странная одержимость...

— Дослушай до конца. Это я для тебя говорю. Ты тоже столкнулся со смертью. Но не сгорел. На оборотной стороне нетронутого холста чёрным грифелем были выведены слова: «Натянул свою душу, чтобы написать бога».

— Редкостное в этих местах богохульство. А этот Серхио был чутким до красоты. Чистый холст, говоришь?

— Чистый, как безмолвный разум.

— Вот ты о чём...

— Ты сейчас рождаешься заново. Мы всегда поднимаемся так после болезни. Я дам тебе перо. Будешь писать. Потому что этот дом — то место, где тебе видится дальше.

— Значит, я прав, — по губам его тоже скользнула улыбка.

— О, ты всегда прав. Разве не знаешь? Только не забывай есть и спать.

Пояснения:

Бруха (исп. bruja) — колдунья, знахарка. В испанской и латиноамериканской традиции — женщина, обладающая особыми знаниями о травах, целебных свойствах растений и мистических практиках.

Ласаро (Lázaro) — Лазарь, библейский персонаж. В Евангелии от Иоанна Лазарь был воскрешён Иисусом Христом через четыре дня после смерти.

Циклопическая кладка (от греч. «циклопы») — грубая, массивная каменная кладка.

Термин из архитектуры, обозначающий стены, сложенные из огромных, грубо обтёсанных камней без использования раствора. В тексте Ричард замечает, что дом Эсперансы стоит на фундаменте из такой кладки, что указывает на древность постройки и её прочность. Для него это также знак того, что дом стоит на старом основании, и он сам, возможно, тоже должен строить новую жизнь на старом фундаменте.

Комáль (исп. comal) — плоская глиняная или металлическая сковорода.

Традиционный кухонный предмет в Мексике и Центральной Америке, используемый для выпечки лепёшек (тортилий) и обжаривания продуктов.

Морíск (исп. morisco) — мориск, крещёный мусульманин.

В Испании и её колониях в XVI–XVII веках — мусульмане, принявшие христианство под давлением, но часто подозревавшиеся в тайном исповедании ислама. В тексте ищейки (следователи инквизиции) обыскивают дом Серхио, не находят денег и чествуют покойного «проклятым мориском», чтобы оправдать свои подозрения и предвзятость. Это также указывает на то, что даже после смерти художника его продолжали преследовать за его «инаковость».

Глава 8. Tempus est pulvis

7 мая 1665 года,
Веракрус

Дождь рассеял остатки желающих попасть с прошениями к губернатору. На крышу быстро напозла темень и плотные ненастные сумерки.

Губернатор весь день маялся от жары. И удалялся менять рубашки. Тело отказывалось верить, что до ухода дождей придется подождать.

По утрам его душила слабость, и он упорно требовал кофе.

На еду смотрел осторожно и притрагивался к ужину лишь из уважения к донье Соледад.

«Все суетятся, просят, требуют, протестуют. Маленькие беды, большие несчастья. Но как довести до их разумения, что вся их разбитая жизнь и дырявая кровля, неверные жены и богохульники друзья – плод их собственных стараний? Странно думать, что и я со своей глупостью стою в одном ряду с ними... И жду новостей от Вышнего Престола. Но мою просьбу вряд ли исполнят...»

Утром, когда камердинер застегивал ему воротник, дон Диего мягко отстранил его руки и приказал удалиться. Расстегнув удавку, он подошел к зеркалу. На шее, ближе к линии плеч, алела борозда мелкой сыпи. Диего вскинул бровь. Но еще отказывался обдумать все, что за две недели делала с ним невидимая хворь.

До вечера ничто не мешало ему в делах, и губернатор немного успокоился.

Дон Рибера осторожно проник в кабинет, на цыпочках прошел по ковру и поклонился:
— Ваша Светлость, к вам проситель. Я говорил, что прием давно закончен, но дело первейшей важности для вас. Пригласить?

Звук голоса секретаря грозился хлестнуть дона Диего по темени. Но он не протестовал:

— Что ж, извольте.

«Кого Господь привел так поздно и так некстати?..»

Мысль оборвалась, и он склонился в почтительном поклоне. Так он обычно делал при женщинах, какое бы положение та ни занимала.

— Добрый вечер, сударыня. Чем обязан таким визитом?

Просительница поправила плащ, откинув капюшон, обнажив прекрасные светлые волосы. Полы бархатного одеяния совершенно не задел дождь.

— Добрый вечер, Ваша Светлость. Вы, верно, очень заняты. К вам не пробиться... Даже мне пришлось требовать аудиенции.

— Что поделать? Прошу вас, садитесь.

— Любезность делает честь любому... — гостья опустилась в кресло. — Признаться, кое-кто из ваших ближайших знакомых был более фамильярен. Я не склонна к долгим преамбулам и сразу перейду к главному. В ваших глазах вопрос.

— Признаться, я удивлен, — дон Диего вдруг ощутил легкий, сладковатый запах духов леди Сьюзен Кастингс. Ноты розы, ириса, а под ним — теплый, почти забытый след амбры.

Пальцы его напряглись, а левая сторона лица, казалось, потрескается. Запах был так томителен, что сердце зашло от тоски.

Он не подавал вида, слушая гостью.

— Не вы первый... Способность удивляться — признак здравости рассудка.

Она вдруг села нога на ногу, кокетливо поправив юбки, и достала из-за пояса, который рубиновой каймой шел вдоль ее талии, маленький розарий.

Резкий, настойчивый костяной звук бусин заставил Диего на миг закрыть глаза.

— Сколько у меня времени? — твердо спросил он.

— Вопрос по сути дела, Ваша Светлость. Времени не так много, как вы хотели бы, но не так мало, как можно себе представить.

— Ответ, кажется, разумный, но непонятный. Почему он столь неточен?

Гостья перебирала розарий, выискивая бусину потемнее. Она вдруг стала серьезной, но Диего уловил, как ее красивое лицо невольно отражало мимику его самого.

— Потому что другая, дурная кровь, которая нынче течет в ваших жилах благодаря чьей-то легкой руке, непредсказуема.

— Коли время для меня теперь превращается в пыль, есть ли шанс завершить дела?

Тело кололо будто мелкими иголками, как от долгого сидения. А портьеры за креслом гостьи словно потемнели. Диего едва различал ее силуэт. Но отлично видел светлые ресницы и холодные зимние глаза.

— Ваша Светлость не будет просить об отсрочке?

— Это глупость, которая унизит нас обоих...

— Что ж, ваша стезя — действовать. Пока это возможно. А я буду навещать вас время от времени.

— Я не стою этой чести...Лучше быстрый удар.

«Как больно...Ко мне...кто-нибудь...»

Гостья стремительно удалилась. И Диего увидел над собой встревоженное лицо Хусепе Риберы. Он был в руках секретаря.

— Ваша Светлость...Дон Диего. Я послал за доктором.

— Ни слова ей. Это пройдет...пройдет.

Fiat voluntas tua

4 июня 1665 года,

Из дневника губернатора.

«Я умираю. Боль пульсирует внутри, вырываясь на поверхность запахом смерти. Что ж, обольщаться избавлением не следовало. Ни один доктор не прочил бы мне легкой кончины.

Господу виднее, когда отобрать надежду. Гнев погас. И отчаяние почти ушло. Это бесполезное пламя. На подобные выходки у меня не осталось времени. Я уже готов к уходу, но страдания еще не кончились. Не мне прекращать их до срока. Хотя желание покончить со всем подступает все чаще.

Пытаюсь завершить дела, необходимые для будущей жизни Соледад, когда она остается одна.

Может быть, я слишком много сил отдавал тому, что потом окажется в тени, будучи бесполезным? Мои ошибки, потери и жертвы сейчас рядом, заставляют тонуть рассудок. Утешаюсь тем, что почти все они уйдут вместе со мной.

Кроме двух: я был слишком уверен в своей неуязвимости и правоте. И слишком гордился своим благополучием. Все это превратится в золу. Мне не вернуть ни моих прежних сил, ни Элисии, которая едва ли сможет забыть содеянное мной.

Сокрушаюсь, что сейчас отнимаю возможность молиться за мою душу. Соледад не простит. Она сильна, но меня страшит то, что она не выдержит. И не позволит мне подготовиться к другому пути. Я сам огораживаю себя пустотой и спокойствием. Потому что так легче уйти. Я не могу позволить себе просто уходить, отдавшись в руки Самой Любящей. Она не спасет мое тело, которое непременно рухнет с обрыва. Все же, уповаю на то, что она когда-нибудь сможет хотя бы понять меня.

Никто не подготовит место для преемника, кроме меня. Никто не оградит Соли от алчности до моего наследства. Список длинный, как ночь, которая может не закончиться.

О дочери я опасаюсь думать, боюсь накликать беды на пути ее. Поиски продолжаются, но сведения скудны.

Пришло время писать не для себя. Сомнения и тревоги, которые окружают меня так же часто, как и плен судорог, здесь не к месту. Пусть знают те, кто, возможно, разберет мои бумаги, счета и прочую шелуху моих дел...

У меня было мужество для борьбы, но усталость взяла верх. И лучшим из снов будет смертный. Пусть знают: я не стремлюсь к одеждам праведника. Пусть. Потому что я жил так, как говорили мне моя совесть и вера.

Молю Создателя, чтобы Он позволил мне умереть в одиночестве или хотя бы в достойном окружении».

4 июня 1665 года

Ричард выслеживал маленькую хищницу в саду. Присев на корточки, и низко пригнувшись, черноволосая девушка что-то выкорчевывала ножом с грядки.

Перевалило за полдень, и солнце унеслось на другую половину двора.

Ричард спустился с лестницы босиком, прошел за спиной у воровки и, пошатываясь, побрел вдоль тропинки.

Девушка подпрыгнула, но не бросилась наутек, а словно приросла к месту. Рука привычно выбросила вперед маленький нож, но Ричард лишь немного отклонился. Он стоял молча, а рядом опешившая Чаро подбирала в передник упавшие плоды.

Краска схлынула с ее щек, можно было поклясться, что она твердила молитву.

Вдруг она снова выронила поклажу, на этот раз в руки подоспевшего Ричарда.

— Голодно вам? — спросил он.

— Не для себя, — потупившись, ответила Чаро.

Он не мешал ей увязывать свою ношу удобнее. Она сначала деловито возилась с веревками, а потом, словно очнувшись, подошла к нему, дотронулась мизинцем до его руки и тут же отдернула руку.

Ричард громко засмеялся. Без хрипа и надоевшего кашля. Чаро смотрела на него округлившимся глазами, но вдруг начала вторить ему, вплетая свой дикий, радостный смех, в его попытку обрести прежний голос.

— Твои волосы горели бы не так, как у мертвеца, — выдавила Чаро, делясь с ним остатками своей ночной тризны по капитану Эспаде.

Он долго и внимательно разглядывал ее лицо, а потом развернул за плечи и повел к дому. Там, на теплой скамье, он накормил воровку из котелка маисовой похлебкой.

— Я заплачу хозяйке за этот урожай. А ты не приходи сюда впредь с ножом и такими желаниями, — тон его стал строже, но не отдавал холодом.

— Ты позволишь еще смотреть на себя? — улыбнулась Чаро. Она, от радости ли или от сытости, как кошка, стала играть тесемками его рукава.

Ричард убрал руку.

— Ты же знаешь, такой взгляд — ядовитый шип, Чаро. Если захочешь смотреть на меня, а не отвернешься к другому светилу, будешь как камень. Без воли и сердца.

— Тогда я не буду смотреть. И говорить тебе не буду. Но если тебе нужно выйти в город, я приду.

Ричард кивнул. А гостя медленно встала. И шутливо откланялась. Он не пошел проверять, через какую щель она просочится на улицу.

Пояснения:

Tempus est pulvis (лат.) — «Время — пыль».

Fiat voluntas tua (лат.) — «Да будет воля Твоя». Цитата из молитвы «Отче наш» (Мф. 6:10). В контексте дневника дон-Диего это формула принятия неизбежного. Он больше не борется — он смиряется с тем, что его время закончилось. Это также указание на его внутреннюю перемену: он отпускает борьбу.

Леди Сьюзен Кастингс — мать Ричарда Кастингса. Это не просто воспоминание, а эмоциональный удар: её запах напоминает дону Диего о его главной ошибке и о трагической судьбе семьи Кастингсов.

Розарий (католические чётки) — традиционный католический предмет для молитвы.

В испанском обществе XVII века розарий носили почти постоянно — на поясе, в руках или в складках платья. В этой главе гостья демонстративно перебирает розарий, что служит жестом-вызовом: она показывает, что её визит имеет не только светскую, но и духовную подоплёку.

Комаль (исп. *comal*) — плоская глиняная или металлическая сковорода для выпечки лепёшек.

Глава 9. Харон

Бывает так, что милосердие иногда выше справедливости.

11 июня 1665 года,

Веракрус

Ричард стоял под звёздами. Небо очистилось, и мелкая звёздная крошка, что царапала небосклон, готова была свалиться ему на плечи.

Он получал последние наставления от лекаря. За плечами лёгкая поклажа, в ножнах — прежний клинок. Ноги держат, но капитану Эспаде ещё несколько месяцев не велено вступать в бой с перевесом в скорости.

Эсперанса вручила ему трость с тяжёлым навершием. Внутри будто нарочно было место для подлого сюрприза.

Он не задавал вопросов, а отвернул набалдашник и вынул из ниши трубку и костяной футляр с острыми тонкими стрелами.

Эсперанса знаком показала, что стрелы пока не ядовиты.

Ричард убрал подарок обратно и проверил трость на вес.

— Видишь, всё, как и положено. В час полуденный ты пришёл и в час вечерний уходишь, — отпускала его бруха.

— Спасибо тебе. Но, надеюсь, наши дороги больше не сойдутся...

Она улыбалась уголками глаз:

— Лучшие слова, которые мне приходилось слышать в благодарность. Я тоже надеюсь. Если придёт твой час — он не будет тебе в тягость.

— Большого мне и не надо знать.

Напоследок она отдала ему флягу из тыквы-горлянки.

— Возьми, еду найдёшь уже в Сан-Кристобале. Вода тебе нужнее.

— Спасибо.

— Береги мой труд. Не люблю, когда неблагодарные сразу бросаются в пекло.

Ричард пожал плечами и скрыл улыбку.

— Буду стараться, насколько смогу.

— Иди. Лёгких тебе дорог, пусть надежды твои сбудутся, а беды заберут дожди.

Он не оглянулся. У ворот его ждала Чаро. И пошла за ним следом.

— Я пройду ещё немного по обочине твоей дороги. Чтобы ты не был один.

Ричард не возражал.

13 июня 1665 г. Борт «Нуэстры Сеньоры де Гвадалупе»,

из дневника капитана Эспады

«Теперь я снова господин своему телу. Оно, как дырявое полотнище боевого вымпела, снова заштопано и готово к бою...

Я не добрался до Сан-Кристобалья. В дороге меня настиг чей-то злой рок.

Стоило устроить привал, как я услышал стоны и всхлипы. Я стал оглядываться вокруг и понял, что ноги привели меня на чёртово место, где ещё остались следы недавней стычки. Стоны не прекращались, но становились глуше. Звук не летел издалека, а доносился с обочины.

Любопытство, всё же, одержало верх.

Я спустился в овраг, и меня окружил удушливый трупный запах. Стоны слышались совсем близко, ниже по склону. Я рискнул пойти дальше. В пологой низине среди бурной растительности показались обломки экипажа, увязшие в тёмной грязи.

Ветер поднимал обрывки каких-то бумаг и развеивал поникшие на куст клочья шёлка. Чуть дальше я нашёл источник зловония: трое убитых слуг уже попали под атаку мух и солнечных лучей. Немного поодаль от них лежал раненый сеньор. Его тело призывало смерть в свидетели своим бедам.

Я подошёл к раненому и попытался осмотреть. Бледное лицо, которое почти превратилось в восковую маску, раздутый живот и разверстая грудь... Жизнь ещё теплилась в нём, но была мучением. Я омыл его раны, как смог, и прикрыл несчастного от мух своим плащом.

Губы умирающего шевелились в немой просьбе. Пить.

— Что ж, дружище, пей, коли тебе уже ничего не нужно.

Я помог ему напиться и сел возле, подложив под голову раненому свой жилет... Бедняга отходил, но его переправа на Тот Свет грозила длиться ещё несколько часов. Он пытался посмотреть на меня, но взгляд его блуждал.

За это время он не издал ни звука. А я сидел рядом, добывая остатки воды из фляги. Солнце перевалило за полдень. На западе темнела неясная пелена. К ночи стоило ждать дождя. Идти до Сан-Кристобаля по томному пеклу было совершенно не резон.

Ветер сменился, становясь сильнее, и смрад относил в сторону.

Я остался и стал размышлять о том, кто из ночных охотников, упиваясь безнаказанностью, мог не добить этого сеньора. Ещё раз обойдя низину, я стал расчищать место для ямы: пришлось заканчивать чью-то грязную работу.

Вдруг раненый поймал мой взгляд. Взор его прояснился:

— Эухенио... Гальего...

Я кивнул, а уже unbezыманный продолжал:

— Добей меня... Видишь, я не могу умереть, — он произнёс это почти беззвучно, словно только начал понимать смысл своей просьбы.

Я хранил молчание. Смерть вознамерилась долго плутать возле него. Видно, не наигралась. Впрочем, не моё дело.

— У тебя оружие. Что ты медлишь?.. Боишься?

Он говорил с густым придыханием. Казалось, его слова сойдутся на хрип. Не знаю, кому он дерзил, пытаясь спрятать свой страх за кривой улыбкой.

Так умирают матросы, деревенские парни, которые в первом же бою получают непосильную порцию свинца...

— Пожалуй, ты прав, приятель. — ответил я.

— Пойди в мой дом... Спроси на рамбле, где живут Гальего... расскажи всё.

Он сбивчиво пытался рассказать о нападении. С его слов можно было понять лишь, что шайка работала лучше некуда. Однако закончить дело они не удосужились. Я был немного раздражён рассказом и жарой. Но слушал, не перебивая.

— Хорошо. Я сделаю, что ты просишь.

— Как тебя зовут?

Я удивился. Зачем этому приговорённому понадобилось моё имя?

Назвался. В ответ лицо несчастного просветлело. Он закрыл глаза, словно давая знак, что готов отправиться на покой.

Я исполнил его просьбу. Пуля вылечила сеньора, а выстрел поднял стаю птиц с ближайшего дерева. Я не стал упражняться в милосердии дальше и постарался скорее зарыть трупы.

Не зря моя таинственная донья увязала мне вместе с вещами заступ. Будто заранее знала, что сей предмет будет полезен. Вопросы с моей стороны были излишни.

Эта милосердная сеньора принадлежит к тому роду явлений, которые существуют вне пределов логики. В этих краях обитает не только Божественное откровение, как бы ужасно ни звучала такая ересь.

Что ж, если оное пошло на пользу всем, какой прок пытаться выяснить его происхождение?

Когда я выбрался на дорогу, вокруг по-прежнему было безлюдно.

Выполняя обещание, я вернулся в город. Все колокола звонили к вечерне. Мои мысли ненадолго утонули в этом гуле. Небо заволокло, и закат провалился за ширму дождя.

Мне удалось узнать, где дом сеньора. Даже изыскалась возможность войти. Вид мой был не столь приличен для подобных случаев, но до меня снизошли.

Вдова, после того как новость обрушилась на неё, пребывала в отрешённой растерянности. Зато брат её, сопровождавший женщин семейства на мессу, проявил выдержку и закончил со мной это скорбное дело.

Дон ни о чём не спрашивал, однако был щедр на плату. Возможно, это не было пределом благодарности, и я принял предложенную сумму. Но унёс из этого дома лишь треть её.

В конце концов, больной заплатил лекарю из собственного кармана. Однако не стоило забывать о приличиях.

К тому же в этом деле далеко не всё чисто. Но моё мнение альгуасилам точно ни к чему.

В доме Гальего я встретил Соледад. Стоило ли сомневаться, что донья ни словом, ни жестом не выкажет даже возможности нашего знакомства? Но мы оба не были готовы к столкновению.

Сейчас даю отдых натруженным ногам. И почти счастлив. Потому что, наконец, оставил юдоль своих мучений. Мы вышли из гавани около часа назад. «Нуэстра Сеньора де Гвадалупе» идёт в Санто-Доминго.

Дело, кажется, оборачивается неплохо. За окнами дождливая ночь, но ветер попутный. Шквала не будет. Я раскачиваюсь в гамаке, а напротив пытаются устроиться на ночь мои компаньоны. Молодой идальго, Луис де Руис, и его семейство — кузина и её мать. Женщины сочли неудобным пребывать в том же положении, что и мы. Их устроили на сундуках, постелив поверх перины.

Девушка очень мила и отличается любопытной непосредственностью. А юный кузен просто без ума от неё.

Смотрю, как дрожат её ресницы и трепещут губы, чуть сухие от волнения, когда она в полголоса пытается что-то сказать дону Луису.

Она очень напоминает Чичиту. Не могу точно определить, чем. Возможно, всё объясняется её возрастом. Тётушка, кажется, довольно строгих нравов. Она весь остаток вечера пытается защитить прелестницу от наших взоров.

Они тоже бегут от чего-то. Молятся в надежде на какое-то подобие покоя в новом окружении. Я не вмешиваюсь в их разговоры, опасаясь отнять эту надежду.

Мысли снова возвращаются к Элисии и невозможности принять её исчезновение. Даст Бог, я сумею добыть ответы на свои вопросы. Лишь бы не потерять силы и веру в удачу».

Пояснения:

Бруха (исп. bruja) — колдунья, знахарка; в тексте — уважительное обозначение Эсперансы.

Альгуасил (исп. alguacil) — судебный или полицейский чиновник в испанских колониях, исполнявший функции дознания и надзора за порядком.

Рамбла (исп. *rambla*) — широкая улица или бульвар, часто проложенные по руслу пересохшего потока; в испаноязычных городах — обычное обозначение главной прогулочной или торговой улицы.

Идальго (исп. *hidalgo*) — испанский дворянин, человек благородного происхождения (от «*hijo de algo*» — «сын кого-то»).

Сан-Кристобаль — историческое название порта Альварадо, расположенного южнее Веракруса; служил гаванью для рыболовных и торговых судов колониальной эпохи.

Санто-Доминго — старейший испанский город в Новом Свете, административный центр острова Эспаньола (соврем. Доминиканская Республика).

Тыква-горлянка — сосуд из высушенной и выдолбленной бутылочной тыквы (лагенарии), традиционно использовавшийся в Мезоамерике для хранения воды и напитков.

Глава 10. Таверна «Старина Грэг»

24 июня 1665 года,

Кайон, Тортуга

Мэри подсказывала на месте, еле касаясь носками пола. Будто снова радовалась девичьей фигуре. Корсет потуже, рукава пышнее. Уж не именины ли?

Она любезничала с Режи, который в последнее время задолжал. Тот рассыпался в комплиментах на свой лад. А она уже летела наверх, перестав слушать пьяную болтовню капитана «Ундины».

— Дай, я ещё раз тебя за руку возьму, — протягивала ладонь покрасневшая от бега хозяйка.

— Учти, дорогая, что проказу не лечу, в огонь не войду и воды передо мной не разойдётся, — отвечал гость.

Она зубоскалила и кормила. Вся лучшая выпечка, жаркое, кровяная колбаса и сыры. Всё для изголодавшегося за переход друга.

— Я столько не съем и за неделю. Прикажи лучше подать бритьё. Да бутылку кларета в одну из комнат.

— Не изволь беспокоиться, Ричи, я тебе в корзину сложу. Прислать сюда лавочника?

— Если Жереми ещё жив и трезв, то пригласи нижайше. Пусть не скупится на рубахи.

Плечо уставало быстрее, если с утра работать веслом, а потом тащиться по камням в обход порта.

Но Ричард сидел перед большим зеркалом и неторопливо брился.

Как и обещала весной Эсперанса, слабость пройдёт, как только снова возьмётся за клинок.

На остров прибыл уже окрепший и вновь загоревший охотник.

«Хорош умник. Забился в угол, не послал проведать своих... Прекрасно, зато никому аппетит не испорчу, превратив доброго пьяницу в трезвенника...»

Лавочник застыл на пороге. И очнулся только после тычка хозяйки. Ричард отвернулся от зеркала, смыл остатки пены и потрянул головой. Жереми расплылся в улыбке, видя приготовленную порцию кларета, и угодливо проскрипел:

— Те, кто знает, как тяжело жить на земле, всегда угостят доброго человека кларетом с утра.

Ричард пил из горлышка.

А потом, перебрав товар, расплатился и приказал Жереми молчать под страхом смерти.

«На рынке растреплет. Теперь дело за малым».

К вечеру Мэри досаждал Джон, который натаскивал второго юнгу с «Ривенджа», как вести в городе дела. Высматривал и вынюхивал, расспрашивал. А Мэри подсунула обоим воякам тарелку с кашей и креплёного.

Ричард спустился вниз, осторожно прошёл между перегородками, отделявшими большие столы от пристанищ мелких пьяниц. Мэри всё ещё не переставала ему кланяться и отослала самую ловкую девочку подать ему ужин. Он осторожно смотрел на знакомых, но был словно закрыт от всех глаз непроницаемой стеной внимания хозяйки.

«А вот и гость залётный, гость желанный».

— А ну-ка, Джон, иди-ка сюда, — поманил он своего бывшего юнгу за стол.

Джон выпрямился во фрунт раньше, чем сам понял, с кем говорит:

— Э-э-э, не-е-ет. Не пойду. Я ещё сегодня не выпивал.

Он придумал ловкое оправдание, но отвечал испуганно.

— Иди сюда, не бойся. Я никому не скажу, что ты струхнул, — Ричард повторил просьбу мягче. — Иди, поешь со мной. Это я, Джон.

Юнга оставил младшего собутыльника, наказав заплатить и отчаливать. А сам пошёл испытывать судьбу. Ричард молчал, насмешливо оглядывал Джона, предложил ему место и поделился жарким.

Тот, набравшись смелости, выдал:

— Дела... Хорошо Нечистый промышляет, как говорит док. А потрогать-то вас можно? Ричард встал и протянул руку. Джон осторожно пожал её.

— Ну что? Можно со мной дело иметь?

— На покойника не похожи. Руки тёплые.

Ричард подвинул ему свою тарелку с варевом.

— Садись да наверни похлёбки. Я, пожалуй, наелся.

Джон залился краской сквозь загар, но принял угощение. От блюда поднимался чесночный пар.

— Это дело, сэр. А выпивка? — Джон с готовностью стал исполнять приказ.

— Рановато пить, Джон. Вечером совсем захмелеешь. Что скажут леди?

— Они кого повыше любят...

— Твоя правда. Скажи-ка мне, где сейчас остальные обретаются. Где капитан ваш?

Джон опустил ложку в тарелку и пригладил чёлку.

— Ну, наш-то капитан сейчас меня убогого кормит. А парни скоро здесь будут. Дела у них тут кое с кем.

Ричард отламывал кусочки пирога по периметру и отправлял себе в рот.

— Вырастили дипломата. Что и говорить... А Крайт и прочее твоё начальство тоже сюда правят?

Джон кашлянул.

— А как же. Вот потеха будет!..

Похлёбка быстро исчезла в вечно голодной глотке. Джон притих и с любопытством следил, как одна из девушек Мэри принимает задаток от какого-то матроса. Он оторвал взгляд и сдвинул брови, подражая Райту в минуту задумчивости.

Ричард хмыкнул и отдал первый приказ юнге:

— Помалкивай пока. Пришли ко мне Райта.

Джон вскочил и махнул напарнику:

— Не сомневайтесь, в лучшем виде подам, сэр.

Но вдруг развернулся и застыл:

— Спросить-то позволите?

— Говори.

— Если вы живы, где вас носило?

— Разговоры, однако. В Чистилище нынче места втридорога. Потом расскажу. Иди.

— Есть!

Ричард поднялся в комнату, которую Мэри до вечера преобразила до апартаментов приличного человека. Прибыл медный рукомойник, фарфор, вино, какое бывший командор не видел уже шесть лет. На кровати новый матрас и простыни, словно для брачной ночи. А свечей столько, что можно отслужить мессу.

«И тебе за всё это платить, Кастингс» — посмеивался Ричард.

В дверь стучали давно, он не изволил открыть. Наконец, вынырнул из потока мыслей и пустил за порог мистера Райта.

— Велики дела Господни, если я ещё на этом свете... — выдохнул Саймон.

— Здравствуй, друг мой.

— Немыслимо... Живой и даже говорит...

Ричард осматривал похудевшего помощника, приговаривая:

— Что прикажете мне делать, сэр? Говорю пока. Ба! Саймон, да вы вооружились. И кто тот пройдоха, которому вы хотите навалить?

Райт сиял, но ответил так же сухо:

— Я затрудняюсь ответить, сэр... Мало ли их по свету бродит. Приходят, даже не предупредив.

Ричард усадил Саймона на покрывало, и тот осторожно сел, опустив на колени узелок.

— Запас на случай бегства? — интересовался Ричард.

— Нет, сэр. Пистолет и трубка... На случай необходимости. Если бы вам это понадобилось.

Саймон отложил узелок за спину, принял от Ричарда бокал, в котором светилось канарское, и не стал сидя делить тост с капитаном.

Одолев первую бутылку почти без слов, оба обнялись до хруста в костях.

Саймон отступил с почтительным поклоном и уже распорядился вином сам. Капитан откупорил бутылку, отдав её помощнику.

— Послушай, я думаю, что нет смысла отвечать на все твои вопросы сейчас. Но я сделаю это непременно.

— Тогда по существу: я уверен, что прежние молодцы вас примут.

— А как бы отнёсся к этому ты? Едва ли удобно терять такое место.

— Я не страдал тщеславием, сэр. И, честно сказать, я так вымотался за эти четыре месяца... Что с радостью освобожу вашу каюту.

— Ты кого-нибудь набрал ещё?

— Да, пришлось. Но ребята неплохие.

Ричард приоткрыл дверь, в комнату ворвалась брань и сутолока драки в общем зале, который перекрывал бас мистера Гриффитса. Боцман разнимал бедняг, смачно увязывая английский с испанским.

Оба покачали головой и выпили ещё за его здоровье.

Ричард запер дверь снова. И пригласил помощника за стол.

— Вот как мы поступим: пусть решит жребий. В конце концов я допустил просчёт. И многие полегли там.

— Я вздёрнул вернувшихся, когда узнал про их действия.

— Да... значит, не зря поговаривают, что капитану Райту перечить нельзя.

— Разве я был неправ, сэр?

— Дело сделано, Саймон. Идём дальше.

По лестнице поднимался кто-то развязно шумный, явно в сопровождении женщины. Шаги и шорох шерстяной юбки, звон бутылки и разочарованный вздох.

В дверь стучали. Но открывать вызвался Саймон.

Месье Мелье, ещё стоявший на ногах, обретался в одном из капитанских камзолов. Рыжие волосы завиты, а борода причёсана. Этот бот шёл явно в другой порт.

— Ай-ай-ай, капитан. Разве так встречают старых друзей, которые не собираются в Преисподнюю? Где море выпивки? Где весёлая музыка? Где прелестницы, облачённые в тонкий батист?

Ричард встал, но чувствовал качку. Однако раскрыл объятия и для второго друга.

— Люк! Иди сюда, стервец... Конечно, без тебя не обошлось бы. Смотрите, каков франт! Люк встряхнул капитана за плечи и покосился на третью бутылку.

— Ты просто ужасен, Ричи! Шляешься и по Ту Сторону, и по Эту, море топчешь, а нам — никаких известий. А потом являешься, здоров и силен. Может, ты уже одним движением исцеляешь?

Он лакомился вином, а Ричард уже звал кого-то с закуской.

— Говорил, что язык — твой злейший враг. И ещё раз повторю, — бросил он от двери.

— Да я что? Шутка ли, повернуть вспять своё время... Многие лета, капитан!

— Неисправим. Совершенно, — подытожил Райт.

Пояснения:

Кларет (англ. claret) — красное сухое вино из Бордо (Франция). Один из самых популярных сортов вина в Англии и её колониях в XVII веке.

Канарское вино (вино с Канарских островов) — сладкое крепленое вино.

Глава 11. Остров цветов

*июль 1665 года,
Мартиника, Сен-Пьер,
Дом Жюль Камилля де Клансе*

Новые башмаки скрипят, нога стоит не так уверенно, как в старых. Да, ваш испанский каблучок стоптан. И привычную «вдовью» обувь было приказано сменить.

Приказано было отныне являться не в чёрном, а позволить себе коричневое. И выделен отрез на платье.

Но сахарные головы, запасы круп и свечи сами себя не посчитают.

С самого утра в амбаре и кладовых с ключами за поясом.

Дожди тянули с моря соль и влагу. В долине подушки сохнут быстрее. На завтрашний день приём гостей. И нужно будет заботиться о сухом белье.

Привезли улов, и руки, привыкшие держать иглу, перо и веер, проворно следуют науке его осматривать и разговаривать с рыбаками.

Три месяца не дали зачеркнуть прежнюю жизнь. Но срок достаточный, чтобы новая жизнь впиталась в кожу, как натирание от лихорадки.

Вместе с капризами шерстяного платья, тестом, которое не хочет подниматься, репликами поздних гостей на внезапно потухшие свечи и долгий внимательный взгляд хозяина на вдовый чепец.

Лучшая защита незажившего горя — мелочи, которые оградят лицо от посторонних взглядов, а тело — от ненужных вздохов.

Вдовьи покровы так шли молодой экономке, что и приезжие господа, и сам хозяин, порою, сбивались с шага, засматриваясь на неё. Но тихая испанская беглянка не поднимала глаз, не размыкала рук и не забывала учтиво кланяться.

Днём бросалась в омут работы, чтобы не попасться на крючок разговора. Старые служанки, видя её в купальне, сочувственно кивали. А две молодые горничные, порою, пакостили в отместку за её высокую грудь, но вскоре охота прошла.

Строгая «вдова» поставила их на место так же, как учат детей не перечить старшим.

Обманутая фортуной гостя с Мэйна задержалась здесь. Назвавшись вдовой де Рохо, об остальных подробностях своих бед молчала.

Месье де Клансе проявил в её судьбе живое участие. Потомок добрых католиков, которые оставили сыну крепкое хозяйство, безвременно уйдя от лихорадки.

Жюль Камилль Анри де Клансе слыл на острове за одного из первейших людей.

Он не был обделен способностями вести дела. И прекрасно устроил домашний Эдем с истинно галльским размахом. Однако более проявлял мягкий и чувствительный нрав.

Это сочетание вместе с достатком не превращало его в охотника за взглядами дам из хороших семей.

Но все умные матушки знали: месье Жюль непременно украсит шарф лентой под цвет своих глаз, продемонстрирует роскошные кудри на каком-нибудь ужине и...у кого-то из тех, кто мнит себя невестой, пропадет сон.

Господин жил в своё удовольствие, совершенно не принимая в расчёт ни Западный Мэйн, ни ближайших испанских соседей.

С недавнего времени месье повадился распоряжаться, чтобы кофе ему подавала сеньора Рохо.

На её родине напиток слаще. Но она могла поднести кофе, как англичане, без изысков. Такая подача к булочкам со сливками была милее хозяину.

— Количество юбок и платьев у супруги губернатора не сосчитать. Зато сеньора Элисия может подать кофе, как делают при дворе.

Каждый пятый на острове явно промышлял контрабандой. И губернатор оказывал этим милейшим дельцам тёплое покровительство.

Месье де Клансе не имел отношения к морю. Элисия выбрала его дом во многом поэтому.

Но хозяин, не будучи отшельником, иногда устраивал шумные приёмы. Элисия долгое время жила в невольном страхе, что будет настигнута своими гонителями. И в каждом новом лице видела угрозу.

Она появлялась в городе по делам, объезжая рынок. Каждый раз прятала под плащ пистолеты и нож под корсаж. Но пальцы от этого не согревались, а бледность приходилось восполнять румянами.

В такие дни кухарка Коро не бросалась в слёзы и не спрашивала, здорова ли мадам. Мулатке было позволено говорить, иногда наставлять, иногда утешать. Старость, связанная с мудростью и поварским талантом, открывает многие души.

Дом стоял над морем, и боковая калитка сада обрывалась кручей. Тропа на побережье была, но при этом казалась настолько неприветливой, что напоминала воровской лаз. По такому пути не уйти. В саду есть колючие заросли, но шипы настолько велики, что под ними не спрячешься. Погреб? Там будут искать, будьте спокойны.

Белые стены этого дома не могли даже в солнечный день прогнать страх.

«Хозяин так радушен и внимателен. Как можно допустить, чтобы его настигли крысы?! Ужасно... Ужасно...»

Элисия с утра бывала на мессе. Однажды при выходе из церкви поймала на себе тяжёлый взгляд рослого кабальеро. Узнать в незнакомце испанца для неё не составило труда. И бывшая донья мгновенно юркнула за церковные ворота.

Впрочем, сеньора была довольна своим положением.

— Грешно возносить жалобы, — говорила она себе, глядя в зеркало.

Она по утрам окружала две толстых золотых косы частоколом из шпилек и покрывала сверху плотным кружевом.

— Старая Коро ведёт себя, как мать для всех, лакеи слушаются, управляющий не дерзит... А хозяин дарит шоколад — всё, как в других домах.

Ей не докучали вопросами и позволяли временами выезжать.

18 июля 1665 года

Месье Жюль определил новое правило. Вечером сеньора Рохо должна приходиться в гостиную и занимать место в кресле. Она может лакомиться кофе, шоколадом и винами, как ей потребуется. Может распоряжаться книгами и требовать под ноги подставку.

Элисия покачала головой, сложила поданный ей лист, запечатанный господином лично, поправила шаль и отправилась на кухню.

Руки сеньоры резали стебли зелени, расправлялись со ступкой, мешали загустевающий соус. Но Коро смотрела, как изменилось лицо девочки: вдруг остекленел взгляд, как с губ единственного раз сорвалось имя.

«Я научусь жить без тебя... В мире, где больше нет твоего голоса. Твоих мыслей, воли и силы.

Нет твоих рук. Нет твоих дел. И нет нас, которых, впрочем, и не было. Я привыкну к боли, и научусь обращать её из страданий в благодатную работу.

Я доселе не умела терять. Мне казалось, я никогда не постигну, как можно потерять столь много. Но нужно благодарить Господа за этот опыт. Эти пробоины в сердце со временем зарастут, но, должно быть, никогда не затянутся полностью».

— Присядь, милая, я закончу, — Коро мягко отстранила Элисию своими полными руками. И та впервые послушалась. Коро сняла варево с огня, принялась и одобрительно цокнула языком.

Элисия пила вино с пряностями.

— Мадам, вчера до полуночи работали, сегодня встали раньше меня. Хозяин когда-нибудь пристрелит старого Огюста, что позволил вам так рано спуститься.

— Огюст сам спит с пистолетом, Коро, — улыбнулась Элисия. — А о господине я многословия себе не позволю.

— Мадам, наш добрый месье Жюль стал бы подлинным утешением для любой. Быть может, время... ему поможет. Но время торопить не стоит. В этом вы правы.

Элисия ушла распоряжаться подачей обеда. Расправляя плечи и появляясь в комнатах господина, переменяя платье.

Месье Жюль вышел к столу раньше и не желал покидать комнату, пока сеньора стоит у окна. Он словно искал повода поговорить, но не находил способа. Поднял книгу со столика, на пару шагов подошёл к окнам. Сеньора проверяла бокалы на свету.

Затем ещё на полшага приблизился к стулу, на котором позволено было сидеть экономке. Элисия слышала его дыхание.

Она зябко повела плечами, но не обернулась. Жюль захлопнул книгу и тихо отступил.

28 июля 1665 года

Огюст спешил с подносом, на котором покоилась маленькая надушенная записка. Элисия приняла послание, созданное женским почерком без изысков, но с ярким характером.

— Вас хочет видеть мадам Мелье, — коротко доложил Огюст.

Элисия кивнула.

Лакей с почтением указал дорогу рыжеволосой женщине в элегантном платье. Гостья сняла перчатки и подняла ресницы.

Элисия помнила мало лиц с Тортуги, но это забыть не могла.

— Мадам Мелье, — экономка присела в реверансе, но гостья разрушила церемониал, укоризненно махнув рукой. Словно устыдилась, что перед ней склонила голову дочь гранда.

— Нет-нет, прошу вас... — остановила она Элисию. — Я прошу у вас прощения, что не предупредила вашего господина о визите. Но не откажите мне в просьбе поговорить с вами.

— Мадам, я в вашем распоряжении. Возможно, нам будет удобнее в саду, меньше голосов и меньше ушей.

Элисия увела гостью в сторону моря. Ветер крепчал, играя в зарослях в деревенского ухаёра. Он срывал цветы и бросал их под ноги обеим женщинам.

— Добрый друг отдал мне свою фамилию, — мягко сказала Мадлен.

— Он жив? — с надеждой спросила Элисия.

— Да, как и его нынешний капитан, мистер Райт.

— Слава Богу...

Яркая вода мелководья зашлась пеной. Внизу на пляже рыбаки вытаскивали лодки и сутились с сетями.

Женщины держались за край каменной ограды и смотрели вниз, стоя совсем рядом, сталкиваясь рукавами.

— Ты видела его до гибели. Скажи, каким он был тогда? — прошептала Мадлен.

Элисия обернулась, не парируя фамильярность. Она посмотрела гостю в глаза, чуть сдвинув чепец со лба.

— Человеком, который хотел жить... — ответила она, облизнув губы, ставшие сухими.

— Это не праздный вопрос. Прости меня, если слова задела.

Элисия развязала тесёмки и сняла убор, освободив волосы. Сделала вдох и взяла Мадлен за руки.

— Не проси прощения. Мне не с кем даже заговорить о нём...

Пояснения:

Мартиника — остров в Карибском море, французская колония в XVII веке. В тексте — место, где Элисия нашла временное убежище в доме месье де Клансе. Мартиника известна как «Остров цветов» (фр. Île aux Fleurs), что создаёт ироничный контраст с её внутренним состоянием: она окружена красотой, но не может чувствовать покоя.

Сен-Пьер — главный портовый город Мартиники в XVII веке.

Глава 12. Домашнее чтение

*30 июля 1665 года,
Сен-Пьер, Мартиника*

Элисия приняла Мадлен вечером в своей комнате наверху. Господин уехал с одним из ответных визитов. А старик Огюст был только рад, что у неразговорчивой мадам появилась собеседница, способная вызвать у той улыбку.

Дверь закрылась. И вся жизнь этого дома осталась за спиной. Женщины не зажигали огня, но рыдали обе, вместе накрытые болью. Без урона достоинству и стеснения, что благородная печаль ступает тихо. В надтреснутых голосах звучала память о делах капитана, которые должны были зачесть ему на Той Стороне.

Выплакав тревоги этих месяцев, женщины, наконец, привели себя в порядок и приказали подать положенный сеньоре вечерний шоколад с печеньем. Не отвергли и сладкий пирог, посланный Коро.

Слова у обеих нашлись. Время странного равенства ослабило барьеры между хозяйкой соседней плантации и слугой в доме месье де Клансе.

3 августа 1665 года

Состояние покоя, который вернулся к Элисии в эти дни, внезапно рассеялось.

Перемена в настроениях месье Жюля стала заметна ещё больше.

Он стал опасно задумчив и молчалив. И предпочитал прочему досугу находиться при ней. Боясь показаться навязчивым, господин ненадолго удалялся к себе, но тут же возникал снова с какой-нибудь просьбой или пожеланием.

Сердце подсказывало донье, что эти действия уже вредят вдовьим покровам.

Господин, казалось, выделил часть своих доходов на её маленькие прихоти, которые непременно замечал. Элисия молча сносила попытки ухаживаний ещё две недели.

«Селимена или Фелина из очередной пасторальной книжицы были бы счастливы. В конце концов, эти маленькие подарки не без приятности. Он не ведёт себя, как с сельской жеманницей. И это делает месье честь...»

Солнце давно отправилось на покой. Ночь звенела в саду голосами цикад, а дом был молчалив и тёмн. Над домом курился терпкий дым от москитов, делая постройки похожими на маяки среди молочного моря. Сильные ветры уже потрепали северную часть острова. Но не придали шума этой ночи.

— Мне продолжать чтение, месье?

— Да, прошу вас.

— Что такое вы замыслили, Селадон? В какой конфуз собираетесь попасть? Поверьте дружескому совету, оставьте намерение служить мне, для него слишком много препон: на какое счастье вы надеетесь? Я столь несносна, что сие значит желать невозможного: потребовалось бы служить, страдать, лишь на меня глядеть и лишь мне поклоняться. И не думайте, что я могла бы удовлетвориться чем-либо иным, обойтись лишь наполовину исполненным желанием. Я подозрительна, я ревнива, меня трудно завоевать и легко потерять, я скоро гневаюсь и трудно прихожу в себя, малейшее подозрение становится во мне уверенностью, мои желания должны восприниматься как приказы, мои суждения — как резоны и мои повеления — как незыблемые законы. Поверьте же мне, Пастух, не входите в сей опасный лабиринт и постарайтесь избежать

гибельной участи. Я понимаю себя лучше, нежели вы, не воображайте, что сможете, в конце концов, изменить мою натуру, я скорее сломаюсь, чем согнусь. И не сетуйте на меня потом, ежели теперь не поверите в то, что я вам сказала...

— Замечательный образец женского упрямства.

— Упрямства... Почему же?

— Астрейя возводит бастионы и окружает себя стенами. Но читатель знает, что всё напрасно. Резон упрямиться?

— Я думаю, что это необходимая часть игры, месье...

— Прекрасно сказано. Да, отрывок весьма поучительный. Однако думается мне, настоящее чувство сторонится утончённых интриг и всяческих опасных игр. Вы не находите?

— Простите, я не совсем вас понимаю.

— Истинная любовь избегает уловок.

— Не всегда, может быть... Я не смею судить, но, по-моему, все эти затеи рождаются из желания проверить чувства. За всей этой вереницей слов, мне кажется, стоит исконно женское любопытство. Простите, если мои рассуждения смешны...

— Я слушал с интересом. И вовсе не нахожу их смешными. По-вашему, женщина должна испытывать мужчину?

— Сударь, я не берусь размышлять об этом. Не считаю себя вправе...

— Простите покорнейше, что задел вас вопросом. Этого не повторится. И этот разговор. Вздор. Я просто сам пытаюсь решить некую задачу такого рода...

— Боюсь, я дурной советчик в подобных делах.

«Задачу... загадку... И этот месье идёт по той же дороге!»

— Время позднее. Завтра предстоит много дел. Мне бы не хотелось, чтобы ваши гости были недовольны моим столом.

— Ещё раз простите. Но, когда вы рядом, я совершенно не ощущаю времени. Вы устали, но у меня ещё есть просьба.

— Слушаю вас...

— Я прошу, нет, скорее, настаиваю... Чтобы вы непременно составили нам компанию за столом. Я желаю видеть вас рядом.

— Но месье... Едва ли это удобно, чтобы я в присутствии важных господ восседала рядом с хозяином этого дома.

— Вы украсите наше общество. Вы мне совершенно необходимы. Полагаю, решено. Право, возражений не приму.

17 августа 1665 года

Рынок полнился людьми. Торговались за мясо, воровали фрукты, а перекупщики почти дрались за штуки бархата, на которые сбежались поглазеть женщины.

Голландские союзники подкинули развлечение и для господ, и для слуг. Покупали рабов, но помосты сеньора обходила стороной, стараясь не поворачивать головы.

Элисия, как всегда, держалась ближе к прилавкам, лицо в тени капюшона, рука — у пояса, где под плащом холодела рукоять ножа. Рядом были два крепких лакея.

Она уже расплатилась за корицу и соль, как ощутила лёгкое прикосновение бархатной перчатки к своему локтю:

— Прошу прощения, мадам. Я, верно, обознался. Но, чёрт возьми... если это не вы...

Элисия отпрянула и надвинула капюшон на лоб. Она смотрела в улыбающееся лицо плечистого щёголя с волнами светлых волос и чуть насмешливыми серыми глазами.

Перед ней почему-то возник неверный силуэт покойного капитана Эспады, стол, заставленный разной снедью, из глубин памяти пришла и смешная кличка незнакомца.

«Болтун... пустомеля... Мельница!»

Но между ними через мгновение встал месье де Клансе:

— Полагаю, месье, что вам лучше спросить меня.

Незнакомец вместо выпада снял шляпу и тихо ответил:

— Простите, я ошибся.

Жюль решительно заслонял собой притихшую сеньору. И не сошёл с места, пока любопытный не исчезнет в толпе.

Только тогда он повернулся к Элисии, взял её за руки, которые казались ему ледяными, и бережно увёл её в сторону, под аркаду, где стояли бакалейщики.

— Сеньора Рохо? Вы бледны, — месье не отпускал её рук, а она не могла отнять их. Наконец, она мягко отстранилась.

— Духота, месье... — одними губами произнесла она.

Жюль усадил её и позвал своих людей.

— Нам пора возвращаться. Я провожу вас сам. Покупки доставят без вашего участия.

На её возражающий жест, Жюль хлопнул в ладоши, и мальчик-слуга, который всегда сопровождал его по делам в городе, поднёс господину серебряную кружку с вином.

Элисию заставили выпить, настойчиво проводили в карету и укрыли тонким пледом.

«Боже мой, что подумают люди?» — пронеслось у неё в голове, но хозяин с невозмутимым видом занял место напротив и приказал трогаться.

Жюль не выглядел довольным, скорее, боролся с растерянностью. Он молчал и старался занимать как можно меньше места в карете.

По прибытию хозяин не дал Элисии уйти в людские, а взял под локоть, впервые позволив себе прикосновение без спроса, и повёл к себе в кабинет.

— Прошу вас не возражать, сударыня, — бормотал он. Рука держала крепко, но вся левая половина лица месье де Клансе, обращённая к Элисии, алела, как срез гуавы.

Господин усадил экономку в кресло, отошёл на пару шагов и мягко спросил:

— Вас напугал этот человек. Вы узнали его?

— Право, я прежде не видела его, месье, — Элисия придала голосу нужную твёрдость и мелодику.

— Я не буду тревожить вас расспросами. Но более вы не будете ездить на рынок без хорошей охраны. Я полагаю, вам вообще не следует ездить на рынок.

Элисия выпрямилась и слушала распоряжение со спокойным лицом. Жюль сделал шаг к креслу.

— Ваши руки... — обронил он чуть тише. — Я не хотел бы знать, что ваши пальцы холодны от страха перед каким-либо грубияном.

И вдруг, сам удивившись собственной смелости, поднёс её ладонь к губам.

Это был не поцелуй, а какое-то долгое и неловкое прикосновение. Элисия оцепенела, но осторожно освободила руку, прикрыв её другой, словно получила удар.

Она сжалась в кресле и готова была зажмуриться.

— Простите, — опомнился Жюль. Он выпрямился и отступил снова. — Я забылся.

Элисия поправила косынку на плечах и чуть подняла подбородок.

— Вы защитили меня, месье. А это, верно, для господина ничего не значит...

— Вы не правы, сеньора. Для меня это... Это всё.

Месье отошёл к столу, с раздражением передвинул пресс-папье, отчего-то вдруг не угодившее ему.

Элисия слышала его дыхание. Неровное, как у человека, только что бежавшего с холма.

Ещё один мужчина, чьим оружием стала вовремя снятая шляпа и собственное тело. А ещё решимость встать между ней и толпой.

Сеньора Рохо не могла уснуть. Поставив свечу на стол, она запахнула ставни, передвинув по подоконнику смесь от москитов, и села на кровати, обняв подушку.

«Господь Всемогущий, какие же глупости ещё можно сделать? Три месяца едва истекло, а я ищу повод забыть. Малодушная гадкая девочка, за которую он отдал жизнь, смотрит в лицо сытости и возможности укрыться от непогоды и нужды!»

Она прятала лицо и плакала беззвучно, кусая губы. Разрываясь между жадой покоя и острой тоской, которая всколыхнулась сегодня от появления наглеца.

«Мёртвого не поднять. Но и служить мёртвому невозможно. Не думаю, что Рикардо хотел бы надеть на меня такие вериги. Он давал право дышать. Прости... Прости мне...»

10 сентября 1665 года

Элисия впервые оказалась утром на берегу. Шла к самой воде, держась подальше от рыбаков. Порою оглядывалась на поворот тропы, по которой спустилась, подражая лани.

Только горная скиталица сбросила башмаки, отказалась от зонта, прикрывшись косынкой, и несла обувь в руках, позволяя воде портить платье. В такие минуты она иногда позволяла себе разговаривать с мёртвым.

Ветер усиливался, нахально льнул к волосам, стягивая косынку.

— Моё одиночество рушится. И я обязана быть поддержкой другому человеку. Он заслуживает счастья более меня. Его открытая привязанность, его решительная помощь ставят меня плечом к плечу с его жизнью. Его заботами. Я разделяю их, вникая во всё.

Волна шипела, посылая под ноги мелкие камешки и стекло, гладкое, отполированное до сатинового блеска, потерявшее острые грани.

Элисия доставала эти драгоценные подделки. И они играли в ладонях зелёными отблесками. Море старательно вылизало их. Чтобы сеньора могла спрятать поглубже память о золотой птице с изумрудной грудью, за которую ей оставили жизнь.

— Чем больше я крепну в своей причастности к уютному и неторопливому миру его дома, тем больше испытываю стыд за то, что начинаю забывать тебя, — Элисия вела разговор с оглядкой, будто верила, что собеседник идёт следом.

— Время ускорилося для других решений, и ты должен уйти из моих снов. Твоё место в них займёт другой.

Она повернулась к рыбацким лодкам, подставила волне ноги, и пошла назад, уже не смотря вниз.

— Пытаюсь убедить себя в собственной силе. Но мир колется, напоминая о тебе. Видно, слишком нежна моя кожа, чтобы не ощущать этих мелких заноз. Так будет правильно и разумно. Но разве есть что-либо разумнее... бури, которая даёт шанс жить? Когда среди чудовищной смеси моря, туч и звёзд находится один верный путь.

Позже Элисия чистила фрукты, чтобы отнести господину в сад. Близился час подавать кофе. Руки орудовали ножом, а глаза искали синие волны за окнами кладовой.

«Кажется, я медленно схожу с ума. Немудрено, коли нет больше на свете Элисии Фернанды Эухении... Возможно, ты посмеялся бы над этими рассуждениями. Не верю. Не смеялся бы. Смотрел и внимал бы без осуждения и бесполезных умозаключений. Про тебя говорили, что море научило тебя слушать ветра. Мои слова к тебе — теперь тот же ветер.

Я боюсь, любимый, что окончательно потеряюсь среди своих грёз. Я стараюсь выплыть на поверхность и жить, но тону. Я словно опрокинута вовнутрь. Мой взор перевернут. А мысли преступно стремятся к тебе как к живому».

Лакеи подали приборы, она лично проверила готовность выпечки и напитков. У месье гостила мадам Мелье. Но роль следовало играть безупречно.

Жюлю нравилась живость и острота языка соседки. Он часто останавливался в разговоре, чтобы она заканчивала фразу.

Элисия надеялась, что ветер переменится.

Ненадолго поднялась к себе и оглянулась на распятие над кроватью. На столике оставлен бархатный футляр, сладости и орешки, которые однажды сеньора осмелилась выбрать.

Элисия поправила чепец, посмотрела в зеркало и со вздохом вышла на лестницу, чтобы не коснуться лишних подношений.

«Всё ещё молюсь за упокой. Но, верно, мои молитвы не слышны никому. Неужели Господь не хочет, чтобы твоя участь была смягчена молитвой и моими слезами?»

Каждый раз, когда ставлю свечу, западный ветер задувает пламя. И мне становится больно вдвойне. Что такого сделал ты, что гаснут свечи от вздохов ветра?»

Пояснения:

Оноре д'Юрфе (1567–1625) и роман «Астрей» («L'Astrée») — один из самых знаменитых французских пасторальных романов XVII века. Элисия читает отрывок, в котором пастушка Астрей обращается к влюблённому в неё пастуху Селадону.

Селадон — главный герой романа «Астрей», пастух, который безнадежно влюблён в Астрей. Его имя стало нарицательным для «идеального влюблённого».

Астрей — героиня, которая ставит перед Селадоном почти невозможные условия.

Пасторальная литература — жанр, популярный в XVII веке, где идеализированная жизнь пастухов и пастушек служит фоном для обсуждения любви, чести и чувств. Элисия сравнивает себя с героинями таких книг — «Селименой и Фелиной» — с горькой иронией.

Глава 13. Осада Валенсии

В несчастье познается и изобличается враг

Эпиктет

10 июля 1665 года,

пинас «Валенсия»

«В полдень, по обсервации солнца, определили широту. С этого часа ведём счёт новому дню.

4 склянки пополудни. Заметили преследование. Шхуна без флага идет левым галсом. Для безопасности решено изменить курс...

6 склянок пополудни. Шхуна увеличила скорость и продолжает маневры. Сигналов не следует, по обводам корпуса заключили, что это английское судно. Решено избегать столкновения.

8 склянок. Противник уверенно идет на сближение, пользуясь течением и ветром. Вынуждает принимать бой».

Из бортового журнала

— Сеньор губернатор. Мы идем на отмели. Шхуна «Ривендж» пытается отрезать нас от пролива. Они подняли красный флаг и намерены атаковать.

Капитан вынужен был сверять решения с самым важным гостем на борту.

Дон Диего Беларес ушел в море, чтобы завершить дела на Кубе, заботясь о последнем праве Соледад. Он отписал ей имение на острове на случай, если падальщики захотят пожить большим. Нотариус ждал, ждал и верный Мануэль. И Диего надеялся успеть. Младшему брату не под силу будет сдержать лавину, которая может накрыть его дом.

— Не мне задавать вопросы, почему мы при нашем количестве парусов не можем уйти от меньшего судна. Но я доверяю вам, капитан. Бейтесь, если это необходимо.

— Я сделаю, что смогу, сеньор.

— В любом случае я готов ко всему.

«Дневная вахта сменилась. Шхуна своих намерений не изменила. Отдал распоряжения к бою. Противник мал, даст Бог, выдержим».

из бортового журнала

Утром дон Диего ощутил первые признаки конца. Внутренности сводило, и жар не унимался. Видит Бог, дон Диего не стремился навстречу смерти в тот день. Но от нее не бежал. А такой исход своего дела даже считал подарком. Мало кому удалось бы избавиться от дурной крови в бою, а не умирать в холодной постели. Он не ожидал от себя при таких обстоятельствах особой силы. Но надеялся, что сможет хотя бы поднять оружие. Он отослал от себя слуг, приказывая укрыться в трюме. И облачился в черный с золотом колет. Кираса, которую извлекли для него ранее, была слишком тяжела.

Быть хорошей мишенью – тоже настоящее искусство. И дон Диего считал своим долгом принять предложение фортуны.

Он еще находился в своей каюте, когда началась канонада. Едва пробило четыре, послышался отдаленный гул, и корпус «Валенсии» дрогнул. Корабль ответил неприятелю бортовым залпом, словно предупреждая, что маленькому наглецу не резон связываться с таким чудовищем. Однако неприятель не унимался.

В половине пятого дон Диего приказал солдатам охраны, которые оставались с ним, отправляться на бак, так как противник настойчиво бил в корму, но основной удар, видимо, доставался рангоуту. Над головами слышался треск ломающегося дерева и яростные выкрики. Судно лихорадило, и оно отгрызалось огнем от наседающих пиратов.

Двое солдат губернатора не пожелали его покинуть. И почти сразу же получили высшую награду за бесполезное рвение...

Каюту сотрясло в очередной раз. Ядро прошло сквозь обшивку, и, разворотив стену, замерло в углу. Затем последовал новый, более сильный удар.

Дона Диего отбросило к левому борту под защиту упавшего стола. Лицо его лишь чуть поцарапало мелкой щепой. Когда губернатор смог открыть глаза и восстановить дыхание, вокруг стояла непривычная тишина. Солдат, что находились рядом, не было. Через дымную завесу начинающегося пожара дон Диего видел только провал в стене.

Праща Давида смогла свалить Голиафа. «Валенсия» застонала и накренилась. На палубе слышалась перестрелка и неясный рокот голосов.

Диего пытался встать, но корабль водило в стороны, словно судно уже не слушалось ни чьих рук. «Брожение» вскоре прекратилось, так как «Валенсию» стали терзать абордажные крючья. Поток чужой речи, смешанный с лязгом и выстрелами, хлынул на палубу. Диего поднялся. Ему стоило усилий в этом чаду не потерять шпагу. Пистолетов сеньор лишился. Они были погребены под завалами дерева и тряпья.

В расщепленном проеме двери мелькнули кирасиры и двое нападавших молодчиков в ярких рубахах. Через мгновение солдат потеснил третий. Он стремительно оставил позади испанцев и осторожно проник каюту. За ним двинулись еще трое.

Диего не верил своим глазам и никогда так не жалел, что фортуна не позволила стрелять. Он поднял шпагу и с яростью обреченного скрестил клинок с капитаном Эспадой.

Тот не стал тратить время на удивление:

— Этот мой! — крикнул он своим.

Его люди отступили.

Дон Диего отвечал на удары, но рука тяжелела, а ноги дервенели. Их захватывал холод. Слабость и тошнота не давала ступить.

Эспада бился молчаливо без торжества. И напоминал при этом не дикого варвара, что пришел грабить и крушить, а сурового судию, который оружием призван был вынести приговор.

Боль подступила снова, заставив дрогнуть колени.

Пространство разрушенной каюты ушло, а воздух казался настолько тяжелым и плотным, что не вмещал в себя всего шума и криков, доносящихся с палубы.

«Это смерть». — решил дон Диего и потерял сознание.

— Нечестная игра, сеньор... — сокрушался Ричард.

Он быстро осмотрел поверженного недруга и взвалил больного себе на плечи. Не пожару расправляться с ним.

Бой на палубе почти угас, и обоюдная злоба, казалось, немного выкипела.

Капитан «Валенсии», убедившись, что сдаться разумнее, отдал приказ сложить оружие.

Но, едва Эспада показался на шканцах со своим грузом, среди испанцев вновь поднялось возмущение.

Капитан «Ривенджа» передал врага заботам обоих докторов, которые уже принялись наводить порядок на окровавленной палубе.

— Прекратите! — голос капитана Эспады перекрыл нарастающий шум. — Вы сдали оружие и останетесь целы. Тот знатный сеньор жив. Мы не откажем ему в надлежащем уходе. Это все. Пусть ваш капитан придет ко мне, и мы обсудим ваше положение.

*10 июля 1665 года,
ихуна «Ривендж»*

Дон Диего приходил в себя медленно, словно не веря, что этот тяжелый сон сознания прервался. Эспада сидел рядом на полу, выжимая мокрый от травяного настоя бинт. А потом эта прохлада легла на горячий лоб Диего. Он разлепил губы:

— Снова ты...

— Да, Ваша Светлость. Лежите. Доктор сказал о вашей болезни. Отчасти я понимаю, почему у вас не было эскорта. Берегите силы.

Эспада пошел к столу и на ходу вытирал руки о полы рубахи.

— Пустое. Мне осталось немного. Что с моей командой?

— Выпейте сначала, — Ричард протянул лежащему кружку и сел на табурет.

— Что это? — Диего проверил по запаху очередное питье, что подсунули ему вражьи руки. И начал пить.

— Сейчас нет боли, не так ли? Это отсрочка на несколько часов. Доктора давали вам это. Пейте. Если я позволил вам очнуться — значит, не вижу смысла добивать вас сейчас.

На мгновение руки, казалось, потеплели, а от боли остался темный томительный след. Диего перешел на английский:

— Благодарю за прямоту, сэр.

— Говорите по-испански. Я смогу вас понять.

— Вы уверены?

— Моих знаний достаточно, чтобы читать государственные депеши.

— Моя команда...

— Ваш капитан рассудил дальновидно. Обошлось без большой крови. Мы высадили их на берег. До Кампече не так далеко.

— К чему такое благородство? — качал головой Диего.

Противник налил себе кипятка, протер шею другой тряпицей и стал жевать подсохшую пресную лепешку.

— Для меня это лишние трупы. За пару-тройку примеров истинно испанской доблести ваши доны раскошелятся. А остальные пусть используют мозги и выбирают сами.

— Тогда что я здесь делаю?

Эспада отложил еду и развернулся к больному так, чтобы он мог полностью видеть его лицо:

— Я внес залог команде. Для них вы такой же кабальеро, как и остальные. А мне вы более полезны. Мы оба знаем, что у вас не осталось времени для других дел. Поэтому я прошу ответить на мои вопросы. Ваше знание моего дела и моя осведомленность в наших общих бедах могли бы кое-что исправить. Пока не настал час.

Диего опустил глаза.

— Вижу, это не будет похоже на допрос.

— Молчите, коли у вас нет желания говорить. Я не буду настаивать. Но если вы вспомните что-нибудь, касательно ваших...европейских дел...

— Здесь нет священника?

— Увы. Здесь только я. Исповедую, причащаю и отпеваю, — развел руками капитан.

Диего знаком попросил Ричарда приподнять его.

— Хорошо...я принимаю ваши правила. Потому что скоро у меня не останется своих.

Ричард сел ближе и склонил голову, чтобы больному не пришлось подниматься с подушки.

— Я буду спрашивать. А вы постарайтесь не грешить недомолвками.

— Прошу вас, капитан.

— Дон Диего... известно ли вам о дочери?

— Вы меня удивляете, сударь. Я полагал, что мы будем обсуждать общие материи.

— С недавних пор это касается нас обоих.

— Я не стану давать ответ, пока вы, милостивый государь, не скажете, какое вам до нее дело?

— Я люблю ее.

Губернатор вдавил голову в подушку и взглянул на Ричарда:

— Не могу сделать вид, что не расслышал. Но уповаю на вашу честность.

— Дон Диего, вы обещали следовать моим правилам. Вопрос поставлен. У нас нет возможности играть в загадки. Я стремлюсь к предельной ясности. Потому что мне доедать остатки нашего варева, — Эспада снова сел на пол.

Диего сосредоточился и снова встретил взгляд капитана. Тот не скрывал ни толики боли, ни тревоги за судьбу пропавшей. Он ждал ответа. И Диего мысленно его благодарил.

— Понимаю... Но мне почти ничего не известно о ней. Кроме того, что она жива и находится не в Европе. Это все, что может дать мне утешение.

— Благодарю...

Диего коснулся его плеча и жестом просил приблизиться еще.

— Рикардо, у тебя все шансы найти ее первым. Ты знаешь острова и можешь лучше предположить, где ее убежище. Лучше любого из моих людей. Лучше иезуитов и всей братии. Думаю, ты открывал медальон. Он был при Элисии, когда она попала к тебе.

Пальцы больного были уже холодны, но цепки. И не отпускали рубашку Ричарда. Он отвечал с обнажающей честностью:

— Вы ошиблись только в одном: я не знаю, куда она могла отправиться.

Диего отпустил одежду капитана и попросил еще глоток настоя.

— Дай перо и бумагу, пока руки мне послушны. Наша партия заканчивается, но тебе еще играть с другими. Тебе поможет Соледад. Здесь не без ее умысла. Я не виню ее, потому что слишком поздно прозрел. Передай это ей дословно... Благослови тебя Бог на такое дело. Потому как если найдешь Элисию — можешь не сомневаться ни в чем.

— Сделаю все, что смогу, сеньор. Есть еще один вопрос, который только вы можете решить...

— Видишь ли... Я сжег все, что касалось Европы. Но не стоит отказывать мне в разуме. Я дам тебе короткий документ. Это список лиц, которые вершили твою участь и волей-неволей составили круг моих сообщников. Кто-то не отличался рассудительностью. А некоторые из страха. Я помню содержание бумаги целиком с указанием сумм, которые ушли на это предприятие. Ты многое сможешь вытянуть, стоит только здраво взглянуть на перечень...

Он писал торопливо, оглядываясь, словно невидимая гостья уже позвала его снова.

На лист ложился список имен, дат и цифр. Диего разделил заговорщиков: те, кто вел партию, оказались на бумаге отдельно, подельщики и те, кому нужно было убрать останки командора — в своей колонке.

— Дела мои таковы, что мнение о тебе приходится пересматривать. Даже в судьбе своих женщин я могу положиться только на брата и на твоё благородство. Если, конечно, ты не упи-
ваешься местью. Приходит время справедливости.

Диего отдал бумагу, при этом руки его невольно сложились в жест просителя. Но он оборвал себя.

Ричард выдержал его взгляд. Спокойно, будто рассказывал другу о дурном сне, он дал ответ:

— Спасибо на этом. Мы могли бы при других обстоятельствах пустить друг другу кровь. И не единожды. Но пользы от таких процедур не прибавилось бы. Сейчас я смотрю на наш странный альянс по-другому. Кровный долг обесценился. Потому что потерял для меня смысл.

Диего вздохнул. Его лицо разгладилось, он сам протер лоб и на минуту задумался.

— Дело в ней...

— Не совсем. Элисия лишь окончательно изменила мои намерения. Я не забыл ничего. Но жить с этим больше не в состоянии.

— Дай мне воды... Здесь очень жарко. И продолжим.

— Оставьте один глоток. Когда подступит агония. Вы просто уснете. Как и положено находить покой.

Диего кивнул, а капитан тихо положил свою теплую ладонь поверх его пальцев.

— Теперь взгляни на имена. Их немного, но этих людей оказалось довольно, чтобы отнять у командора Кастингса возможность иметь дела здесь.

— Судьи Высокой Скамьи, чиновники Адмиралтейства, пара приятных знакомых и двое испанцев. Я знаю это. Мне не хватало лишь подтверждения из ваших уст.

Диего качнул головой и посмотрел на край листа.

— Теперь ясно, кто заставил брата Рамире поджечь хвост. Мотивы, как ты можешь судить, у всех были разные. Косвенно, никто не хотел топить твою карьеру или лишиться тебя головы. Но если смотреть на все под нужным углом — видны интересные подробности... Мне не нужен был твой позор или твоя жизнь. Таким образом.

Губернатор избавился от единственного атрибута земной власти, который еще был на его шее. Снял цепь и передал капитану. Ричард, не глядя, положил ее на стол.

— Наши дела касались только нас двоих. Сначала мне не казалось удобным сводить с тобой счеты. Однако ты рьяно искал встречи. А еще ты принадлежал к тому роду дельцов Фортуны, которые всегда имеют свое мнение. Ваши государственные мужи имели твердые намерения в отношении Вест-Индии. Твое пребывание на островах стало неуютно Испанской Короне. И я решился прибегнуть к быстрому средству.

— Значит, Рамире находился в Англии незаконно, но по вашей милости?

— Совершенно верно. И отстаивал наши прямые интересы всеми возможными способами.

— Он действовал один?

— С испанской стороны, да. Но, как видишь, мои деньги и его талант влияния на людей приобрели ему деятельных сторонников.

— Вам известно, кто был автором доноса, и кто предоставил решающие сведения?

— Да. Донос составлен Рамире при свидетельстве сэра Уильяма Бедфорда и пущен в дело через лорда Грегшоу. Это человек незаурядный. Но при всех достоинствах алчен. А Бедфорд... Тебе известно, что его сподвигло.

Диего осекся. Лицо капитана оставалось спокойным, но в глазах мелькнул гнев.

— Сэр Вильям окончательно запутался. И Рамире лишь предложил ему удобный выход: чистые руки и прочное будущее. При одном условии...он сыграет с нами. Остальные менее интересны, им заплатили, исходя из прошлых заслуг. Рамире тщательно подбирал для твоего помоста отборное гнилье. И на свет Божий появилась прекрасная клевета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.